

18+

Ирина Мюльская

Зоя, или
На перекрестках
судьбы

Ирина Июльская

Зоя, или На перекрестках судьбы

«Издательские решения»

Июльская И.

Зоя, или На перекрестках судьбы / И. Июльская — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-969668-7

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Этот роман, являясь самостоятельным законченным произведением, корнями развития сюжета переплетается с романом «Леночка, или Анна Каренина наших дней». В книге «Зоя. На перекрестках судьбы» подробно прописаны судьбы Зои, Виктора, Олега, Марины и др. персонажей, чьи имена упоминаются в первой книге «Леночка, или Анна Каренина наших дней». Захватывающий сюжет красавицы Зои Бурминой и неожиданных поворотов судьбы ее и близких ей людей.

ISBN 978-5-44-969668-7

© Июльская И.
© Издательские решения

Содержание

ГЛАВА 1 Красота – дар Божий или Крест...	6
Глава 2 Первый рыцарь, или Ромео	10
глава 3 Испытание на прочность	17
глава 4 Таня, или Выхода нет	21
глава 5 Любовь не спросила когда прийти	25
Глава 6 Девушка с портрета	31
Глава 7 Для любви нет преград	36
Глава 8 Утро влюбленных	40
Глава 9 В западне	44
Глава 10 Кнут и пряник	49
Глава 11 Тучи сгущаются	51
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Зоя, или На перекрестках судьбы

Ирина Июльская

© Ирина Июльская, 2020

ISBN 978-5-4496-9668-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Этот роман, являясь самостоятельным законченным произведением, корнями развития сюжета переплетается с первой книгой – «Леночка, или Анна Каренина наших дней». В книге «Зоя, или На перекрестках судьбы» подробно прописаны судьбы Зои, Виктора, Олега, Марины и др. персонажей, упоминающихся в первой книге. Захватывающий сюжет, запутанная линия жизни красавицы Зои Бурминой, неожиданные повороты ее судьбы и близких ей людей. В книге интереснейшая «боковая ветвь» – взаимоотношения четы Шестаковых и Олега с Мариной. Несмотря на увлекательность романа, все события достаточно достоверны и соответствуют духу времени описываемых событий. Всем, кто любит книги с романтикой и захватывающими эмоциями не останутся равнодушными. Быстро и легко читается со светлым, жизнеутверждающим концом романа.

ГЛАВА 1 Красота – дар Божий или Крест...

«Красота тоже дар Божий, один из редчайших и драгоценнейших. Мы должны быть благодарны, если удостоились его, а если нет, должны быть благодарны, что другие удостоились его, нам на радость.»

С. Моэм

Скажите, вы были красивым ребенком? Настолько красивым, что где бы и с кем бы вы не появлялись, все внимание сразу переходило на вас. Везде: во дворе дома, где вы жили, в детском саду, куда ходили, в школе и далее по мере вашего взросления. Ты еще кроха, но очень рано начинаешь понимать, что с тобой что-то не так, что ты какой-то особенный. Красота, как и уродство привлекает внимание, выделяет тебя из толпы, и лишь немногие понимают, что быть по-настоящему красивым, если не крест, то ноша, и весьма обременительная. Красоте завидуют, от красивых людей постоянно ждут подвоха, измен, красивых часто считают глупыми и ленивыми. Дескать повезло, счастье самотеком должно плыть к избранныкам судьбы, отмеченным печатью красоты и лишь немногие знают, как по-настоящему одиноки и несчастны бывают красивые люди, особенно если они наделены умом, добрым сердцем, совестью, скромностью и другими, казалось бы бесполезными и не нужными для красавцев и красавиц качествами.

И еще... родителям нужно хорошенько подумать прежде чем дать имя своему ребенку. Красивая девочка, с редким именем в СССР, в послевоенные времена 50-х... Эту чашу Зоя испила до дна, хорошо, что ее настоящее имя – Изольда, было только в метрике, так же, как и фамилия отца, обрусевшего немца Николая Дмитриевича Гольфштатд. Мать Зои-Изольды благоразумно дала ей свою фамилию – Бурмина, убедив мужа, что для девочки так будет лучше. И она оказалась очень права, а во всем остальном Зое-Изольде досталось от жизни по полной.

Родилась Зоя Бурмина в 1952 году в Сибири, городе Томске, куда волею судеб попали ее предки, хотя корни их рода шли из Санкт-Петербурга, тогда еще Российской Империи. Отца своего Зоя почти не помнила, он умер, когда ей было пять лет. От Бабушки Натальи Петровны Гольфштатд, 1900г.р. урожденной княжны Урсуловой сдержанной и немногословной выпускницы Смольного, последнего петроградского выпуска 1917 года, трудно было чего-то добиться. Она не любила говорить о своей жизни. Революция отняла у нее отца, царского генерала, павшего от рук пьяной солдатни, обезумевшей от беспредельной кровавой каши и вседозволенности, мать, умершую от тифа в железнодорожном вагоне по дороге в Сибирь к родственнице. Девятнадцатилетняя Наталья, полуживая добралась до тетки своей матери в Томск, где та жила в старом деревянном доме, вернее в части дома, когда-то принадлежавшем всей семье Надежды Илларионовны. Остальная часть была заселена чужими людьми в порядке уплотнения. Надежда Илларионовна, уже будучи в весьма преклонном возрасте, прожила еще около двух лет и умерла, оставив двадцатилетнюю Наташу одну одинешеньку в чужом сибирском городе. Свое великосветское, княжеское происхождение Наталье удалось скрыть, все девочки из ее семьи учились в Смольном институте, а ее бабушка окончила его с получением золотого шифра и стала фрейлиной при императорском дворе.

Закончив курсы машинописи и стенографии, Наталье удалось найти работу секретаря в Томском университете, старейшем в Сибири, где она и встретила своего мужа, преподавателя Дмитрия Петровича Гольфштатд из обрусевших немцев, несколько поколений которых проживало в России. В 1923 году у них родился сын Николай, который пошел по следам отца и накануне войны поступил в Томский университет, благополучно закончив его сразу после войны. На фронт его не взяли по нескольким причинам, главной их которых было наличие

немецкой крови, хоть и обрусевший, но все же немец, да еще и сын врага народа. Его отца Дмитрия Петровича расстреляли по сфабрикованному делу все в том же 37-м году, когда Николаю было четырнадцать лет, но он уже был отмечен, как особо одаренный ученик по точным наукам. Николай с блеском сдал все экзамены и поступил на механико-математическое отделение в университет, после окончания которого был зачислен в инженерные войска. Родина нуждалась в научных кадрах на благо обороны страны. Сын вырос в крупного ученого благодаря отцу-ученому и матери-смолянки, которая была для него настоящей нравственной опорой в жизни во всем.

Помимо светских манер, знания языков, игре на музыкальных инструментах и основных познаний наук, смолянки обладали всеми навыками выживания в суровых, даже спартанских условиях. Наталья Петровна всю жизнь с утра обмывалась по пояс холодной водой, эту привычку, унаследованную ею еще с времен обучения в Смольном, она передала и внучке Зое, приучив ее с молодых ногтей к чистоте тела в любых условиях существования. в Смольном ее научили вышивать гладью и ришелье, а так же основам кроя, что помогло ей в голодные и суровые годы не помереть от вечного недоедания, да и потом, когда она осталась одна с восьмилетней Зоей после безвременной смерти сына и невестки.

Для Зои, рано потерявшей родителей, бабушка была эталоном во всем, она умела и печь натопить, и обед приготовить практически из ничего, но стол всегда был накрыт накрахмаленной скатертью и сервирован по всем правилам этикета. Так, что пользоваться ножом с вилок Зоя научилась рано. Бабушка, прекрасно умевшая вышивать и шить, обладала великолепным вкусом и сама обшивала внучку, Зоя была прелестна в ее нарядах, на улице не было ни одного из прохожих, кто б не оборачивался в след девчужке, а соседка Захаровна, как-то взяв Зою за подбородок и взглядываясь в ее лицо, произнесла: – Будешь сердцеедкой! —

Маленькая Зоя долго не могла понять смысл этой фразы. И зачем ей есть сердца? Она хотела спросить у бабушки, но постеснялась. Они любили долгими зимними вечерами заниматься рукоделием, у Натальи Петровны остались после смерти Надежды Илларионовны платья, которые, конечно, давно вышли из моды, но ткани, выписанные в свое время из Парижа, были самого высокого качества; натуральный шелк и бархат, настоящий английский твид, атлас, кружева, все это позволяло одевать маленькую Зою, как куколку на зависть окружающим. Бабушка шила из тонкого батиста и нижнее белье для внучки с кружевами и вышивкой, она рано приучила Зою стирать свои вещи и самостоятельно ухаживать за собой. Как-то Зоя постирала свои платица и оставила их сушиться во дворе, так их тут же и украли с веревки. . .

Но главное их с бабушкой богатство было в сохранившейся и доставшейся по наследству от Надежды Илларионовны домашней библиотеке. Книг было много, многие из них были на иностранных языках, прекрасно владеющая ими Наталья Петровна, сама взялась обучать внучку. Так рано, с трех лет Зоя начала изучать и к пятнадцати годам освоила три европейских языка: английский, немецкий и французский. Она читала, бегло говорила на этих языках благодаря бабушке и книгам, многие из которых выучила наизусть на языке оригинала. Зоя с бабушкой занимали две небольшие комнаты в старом деревянном доме, когда-то принадлежавшем их родственникам, но главное преимущество было в том, что у них был отдельный вход-выход, а в бывших сенях они сделали маленькую кухоньку, изолированную от общей коммунальной кухни с их вечно выясняющими отношения соседками.

Окна выходили в палисадник, где росла сирень, которую бабушка очень берегла и укутывала на зиму мешковиной, чтобы кусты не вымерзли и каждое лето радовали своим цветущими ветвями, так напоминавшими ей цветение сирени в их бывшем поместье под Петербургом.

Отец Зои был инженером, но не тем инженером, которые работают на производствах, заводах и фабриках, он был инженером в погонах, работал в строго засекреченном КБ за колючей проволокой. Мать Зои была врачом и последовала за мужем из Томска с новорожденной Зоей в необжитый поселок на севере Казахстана, куда направили ее мужа и где Зоя постоянно

болела. Матери ничего не оставалось, как отправить ее к своей свекрови Наталии Петровне, бабушке Зои. Она приезжала летом в Томск, проведать свекровь и забрать Зою, показать отцу. Зоя смутно помнила его высокую фигуру, он уже тогда начал кашлять, а затем туберкулез в открытой форме унес его в могилу в возрасте тридцати четырех лет.

Мать Зои Екатерина Андреевна, будучи врачом, всего на три года пережила мужа по той же причине, хотя были слухи, что дело вовсе не в указанном свидетельстве о смерти туберкулезе, косившем всех в поселке, а в каком-то особо токсичном топливе, используемом на полигоне, за колючей проволокой. Так в возрасте восьми лет Зоя осталась одна с бабушкой Натальей Петровной, которой к тому времени было шестьдесят и которая собой заменила Зое и мать, и отца.

В школе Зоя училась хорошо по всем предметам, но подруг не заводила по причине своего обособленного воспитания бабушкой, а еще и по причине утонченной красоты, выделявшей ее изо всех. Она была подобна... нет, не белой вороне, а скорее прекрасной птице, случайно залетевшей в чужие края, да так и оставшейся жить посреди неродной стаи. Но Зоя совершенно не страдала от одиночества, ей было интересно пребывать в своем мире, где много книг, рассказывающих ей о разных странах, о исторических событиях, которые происходили столетия и даже тысячелетия назад. В их небольших комнатах нашлось место и старинному фортепьяно, на котором бабушка учила ее играть по нотам, у Зои оказался абсолютный слух и голос, поражавший своей хрустальной чистотой. После школы Зоя старалась не задерживаться и спешила домой, многие одноклассники, да и учителя считали ее холодной и надменной, но это было, конечно, не так.

Были у Зои и люди искренне хорошо к ней относившиеся: школьная библиотекаря, снабжающая ее книгами, учительница русского языка и литературы, учительница пения, но были и недруги и что особенно неприятно, из среды учителей. Больше всех не любила Зою преподавательница иностранного языка, а по совместительству и домоводства, да еще к тому же супруга директора школы, которая ревновала Зою к знаниям, так как явно проигрывала ей. Зоя чувствовала шпильки в свой адрес, но никогда не говорила об этом бабушке, помня ее слова о выдержке и умении «сохранять лицо», а так как больше ей было не с кем поделиться, она рано научилась все держать в себе и не показывать, что ей больно или неприятно от чьих-то действий. Вот так и жила Зоя с бабушкой до пятнадцати лет.

Вся ее жизнь изменилось в один день, когда зимой, ранним темным утром Зоя обнаружила свою бабушку, скончавшуюся во сне, ей было всего шестьдесят семь лет и у нее остановилось сердце. Когда Зоя поняла, что бабушка мертва, она долго сидела около нее, держа ее холодную руку в своих руках. Слез не было, Зое было пятнадцать и она знала, что прощается с бабушкой и стоит ей выйти из комнаты и позвать кого-то, как ее бабушку унесут и она больше никогда не увидит ее, поэтому Зоя сидела, вглядываясь в черты ее последнего и единственного родного человека, чтобы запомнить ее навсегда.

Как круглую сироту Зою определили в детский дом. Пришли какие-то люди и сказали, что завтра утром она поедет в сопровождении воспитателя в интернат. Никаких вещей из дома брать не нужно, там ей все выдадут. От бабушки у Зои осталось кольцо с бриллиантом и чудом уцелевшая ложка из фамильного серебра. Кольцо на тонком кожаном шнурке Зоя надела на шею и спрятала под одеждой.

Всю ночь Зоя так и не сомкнула глаз, она знала, что оставляет в этих старых стенах свою прежнюю жизнь, эти стены помнили ее отца, ее мать и ее бабушку. Все они ушли в другой мир, оставив ее одну, а теперь и ей предстоит покинуть родные стены и пойти навстречу неведомому будущему. Но Зоя хорошо помнила заветы своей бабушки – при любых жизненных обстоятельствах нужно уметь держать спину прямо и не позволять себе пасть под ударами судьбы.

Утром пришла женщина из органов соц. опеки. Она закрыла ключом комнаты, положила ключ в сумку и они поехали на железнодорожную станцию, где сели на пригородную элек-

тричку. Через час, добравшись до нужной станции, они пересели на рейсовый автобус и еще через полчаса автобусной тряски по бездорожью Зоя стояла у ворот детского дома, где ей предстояло прожить два года, вплоть до окончания школы-десятилетки.

Здание было двухэтажное из серого силикатного кирпича, окруженное высоким глухим забором, за которым был небольшой парк с беседками и спортплощадкой. Ее проводили в медкабинет, где медсестра быстро осмотрела Зою, проверив нет ли на ней вшей, спросила когда она мылась в бане в последний раз и получив ответ, сочла, что Зоя может переодеться в казенные вещи, а вещи, в которых она прибыла в интернат, у нее заберут.

Сестра-хозяйка или завхоз, выдала ей платье, белье, туфли. Она проводила Зою в спальню для девочек и указала ей на ее кровать с прикроватной тумбочкой. Девочки еще не пришли с уроков и спальня, напоминая больше больничную палату на двенадцать коек, была пуста. Затем завхоз ушла, оставив Зою одну. Ей ничего не оставалось делать, как подчиниться и переодеться, только белье на теле она оставила свое, а казенное положила под подушку. Завхоз забрала Зоины вещи и сообщив ей, что скоро будет обед, повела Зою в столовую. Неожиданно тишину интерната пререзал громкий звонок, означавший, что уроки закончены и все строем пойдут в столовую обедать. Тишина, царившая до сих пор, сменилась шумом голосов воспитанников.

К Зое подошла невысокая, хрупкая женщина, преподаватель истории и классный руководитель 9 класса, в котором предстояло учиться Зое Бурминой. Нина Гавриловна, женщина сорока с небольшим, указала Зое на ее место за столом. На обед был салат из капусты с морковью, суп, макароны по-флотски и компот. За столом на четверых сидели девочки, как потом оказалось одноклассницы и соседки по спальне. Одна из них, Зина Тутырина сразу привязалась к сдержанной и немногословной Зое, решив взять ее под свое покровительство, она показала где и что у них находится, а главное, начала посвящать Зою в сплетни и интриги, происходящие в детдоме. Посплетничать Зина любила, она была старожил и практически выросла в стенах детдома при живых и здравствующих родителях, лишенных родительских прав за систематическое пьянство и антисанитарию в доме. Зина давно смирилась со своей участью и даже не горевала по поводу своих непутевых родителей. За все время к ней никто так ни разу и не приехал, говорили, что ее отец сгинул в тюрьме, а мать окончательно спилась. Поэтому Зина и не ждала их, и вообще, не ждала от жизни ничего хорошего с тех пор как стала осознавать себя. О ранних воспоминаниях своей голодной заброшенности в родительском доме в какой-то отдаленной от Томска деревне, Зина старалась не думать, стены детдома стали для нее единственными, в которых был и хлеб, и тепло. В отличии от Зои и еще нескольких девочек, ей не с чем было сравнивать, не по кому было скучать, это был хорошо укореившийся росток, который несмотря ни на что пробил собой асфальт жизненных перипетий и пророс вопреки всему.

Слушать сплетни Зое было неинтересно, поэтому она все свободное время от уроков проводила за чтением книг интернатской библиотеки, но в основном это были книги героико-патриотической направленности и сильно идеологизированные, а Зоя не была комсомолкой и никогда туда не стремилась.

Она понимала, что ей нужно смириться с судьбой и жить здесь до окончания интерната, нужно получить аттестат, а вот что делать дальше Зоя не представляла, ей ее будущее казалось туманным, потеряв бабушку в один день, она осознала насколько бывает непредсказуема жизнь.

Глава 2 Первый рыцарь, или Ромео

А меж тем появление новенькой не осталось незамеченным и среди учеников, и среди воспитателей. Мальчики жили в правом крыле корпуса, а девочки в левом, но занятия и свободное время проводили совместно. В интернате были кружки по интересам, руководили которыми, как правило, те же учителя-воспитатели, все они проживали в поселке, находящемся по соседству. В Красном уголке стояло старое, раздолбанное руками воспитанников пианино. Однажды, когда там никого не было, Зоя под села к нему и начала играть «Лунную сонату» Бетховена, которую очень любила. Дверь Красного уголка открылась и на пороге Зоя увидела высокую фигуру своего одноклассника Славки Чубарова, имевшего репутацию озорника и заводилы. Увидев его, Зоя прекратила играть, смущенно опустив глаза.

– Здорово играешь! А что еще можешь? – спросил Славка, уставившись на Зою.

– Пианино сильно расстроено. – ответила она и закрыв крышку инструмента, встала, а он продолжал стоять в дверях. Чтобы прекратить разговор Зоя подошла к Славке, но он не сдвинулся с места, закрывая собой проход, пристально разглядывал ее. Зоя, глядя ему в глаза твердым голосом произнесла:

– Дай пройти, пожалуйста... —

– Ну, раз пожалуйста... – произнес Славка и дал пройти Зое, та вышла из Красного уголка и пошла по длинному интернатскому коридору мимо ребят, смотрящих черно-белый телевизор.

Они спорили, старшим хотелось смотреть фильм, а младшим мультфильмы и из-за этого всегда возникали ссоры. Подошла воспитательница и сказала, что по воскресеньям с утра младшие дети смотрят мультфильмы, а после обеда телевизор смотрят старшие ребята. Распорядок дня и расписание во всем были неотъемлемой частью интернатской жизни: отход ко сну был в девять вечера – для всех и старших, и младших, а подъем был в семь тридцать утра, чтобы успеть убрать постели, умыться и позавтракать. Уроки начинались в восемь тридцать, как и у всех школьников страны.

Зоя вспоминала бабушкины рассказы про Смольный, как они, девочки из аристократических семей, среди которых были и принцессы крови из Балканских стран, не чурались и физического труда, а с аристократок, княжон и принцесс спрос был еще строже, ведь им предстояло выйти замуж за членов правящих династий, а может и самим стать у кормила власти. Поэтому пусть знают не понаслышке каково это стирать, убирать. Хотя, если быть уж совсем честными, все это носило скорее осведомительно-просветительский характер, но ее бабушке, княжне Урсуловой пригодились смольное воспитание и навыки, приобретенные там. Поэтому и Зоя, не будучи неженкой, стойчески воспринимала строгие, казенные условия жизни. Единственное, к чему она никак не могла привыкнуть, это отсутствие ножа, как столового прибора. В первый же день своего пребывания в интернате Зоя обратилась с просьбой выдать ей нож, без ножа ей было как-то неудобно и неловко есть, на что работница кухни заявила, что никаких ножей воспитанникам не положено, пусть ест ложкой и вилкой и как-то странно и подозрительно посмотрела на Зою, та отошла и больше ничего и ни у кого не просила.

Пожалуй еще, с чем ей было невольно смириться, было то, что все девочки носили одинаковые казенные платья. И дело даже не в том, что они были унылые и какие-то безликие. Платья переходили от одной к другой, т.к. все были одинакового стандартного размера и после прачечной их привозили и раздавали в комплекте с нижним бельем. Они не всегда были хорошо простираны, видимо в прачечной воровали стиральный порошок, Зою воротило от запаха пота, исходящего от плохо выстиранных платьев, она попросила в кружке рукоделия немного мулине и иголку и вышила на своем платье розу, которая оживила и расцветила это серое унылое изделие, но главное, что теперь Зоя пометила свое платье, за чистотой кото-

рого она следила и каждый вечер застирывала подмышки у рукавов, чего, к сожалению, никто из девочек не делал, поэтому запах пота от бурно развивающихся девушек исходил постоянно. Некоторые, глядя на Зою, последовали ее примеру. Поначалу им было странно видеть, как она, поборов свою стыдливость перед ними, мылась по пояс холодной водой над раковиной в туалетной комнате, так как банный день был даже не раз в неделю, а через десять дней и был связан со сменой постельного белья в спальнях. Зоя делилась с девчонками тальком и пастой Лассара, которой приходилось пользоваться за неимением других средств, с которыми в те времена было худо, ГДРовский «Одорекс» был редкостью в их краях.

Помогали Зою и ее любимые литературные герои. Она помнила английскую классику и жизнь юной Джейн Эйр в пансионе, вот той действительно было тяжело. Карцера в интернате не было, карательных мер она тоже пока не заметила, но было кое-чего и похуже, с чем пришлось столкнуться Зое после недолгого пребывания в интернате.

Воспитанники, согласно расписанию, дежурили по кухне, помогали убирать со столов, работали в детдомовской хлеборезке, где нарезали хлеб ножом, напоминавшим гильотину. В одно из таких дежурств повар, здоровый детина лет под тридцать, которого за глаза все называли Коком, незаметно пойдя к Зое сзади, обхватил ее со спины и стал ее жадно лапать своими огромными ручищами.

Вдруг откуда ни возьмись, как из-под земли вырос Славка Чубаров, ударом по ногам свалив Кока на кафельный пол хлеборезки, заломил ему руки за спину. И откуда у пятнадцатилетнего парня взялась сила, чтобы завалить оштрафованного на детдомовских пайках Кока... Зоя стояла не в силах сдвинуться с места, на что ей Славка, сидя верхом на Коке, прошипел сдавленным голосом:

– Иди, не женское это дело! —

Зоя ответила ему:

– Я сейчас ребят позову. —

– Не надо, сам разберусь. — ответил Славка.

Но тут дверь в хлеборезку открылась и в нее вошло несколько ребят из 9 и 10 классов, пришедших к Славке на подмогу. Один из них здоровяк по прозвищу Сан Саныч, подошел к Коку и поставив ему ногу на спину сказал, что если он еще хоть раз будет приставать к девочкам, то получит сполна, достанется Коку от каждого из них. После этого случая Кок приутих и больше к девочкам не приставал.

С тех пор Зоя подружилась со Славкой, он стал ее верным другом и рыцарем. Как он оказался в детдоме никто не знал, кто-то говорил, что его отца зарезали в поезде и выбросили по дороге, но всех обстоятельств не знал никто. Из девочек подруг у Зою не было, Зина по-прежнему липла к ней, но ее назойливая болтовня и сплетни откровенно раздражали Зою и она как-то прямо ей об этом сказала. Хмыкнув, Зина ответила: – Хорошо быть такой красивой как ты, все мальчишки хотят дружить с тобой. – На что Зоя спросила:

– И с чего ты взяла, Зина? —

– Как же... скольких до тебя Кок перелапал, а заступились только за тебя.-

– Вам надо было сказать директору, что он пристаёт к вам... сами виноваты. — ответила Зоя.

– Много ты знаешь... Он, Кок директорше сумки продуктами набивает. Каждую неделю по огромной сумке перед привозом новой партии продуктов. Да и девчонки сами некоторые помалкивали, он их тоже подкармливал... Ты новенькая, а я здесь давно и много чего знаю. — с этими словами Зина пошла прочь, оставив Зою одну.

Но все же было и хорошее. Именно в детдоме Зоя увлеклась театром, они с бабушкой ходили в Томске в местный театр и в кино, но по-настоящему, с миром театра Зоя соприкоснулась именно в интернате, что и послужило отправным моментом для принятия решения кем

быть. Зоя решила, что она хочет стать актрисой и после окончания интерната поедет в Москву, поступать в театральный институт. А дело было так...

В их поселке рядом с интернатом поселился вышедший на пенсию актер томского драмтеатра, Константин Федорович Неверов, было ему уже за семьдесят и был он очень одинок, его жена, тоже актриса умерла, а детей у них не было. В наследство Константину Федоровичу достался крепкий теплый дом в поселке и как-то так произошло, что он пришел в интернат и предложил организовать для воспитанников драмкружок, а работать он готов и бесплатно. Директриса предложение приняла, а взамен предложила Константину Федоровичу прикрепиться к их интернатской столовой, на что он совсем не рассчитывал, но был, конечно, весьма обрадован, потому что готовить ему еду было совсем некому. Так вот, с появлением такого истинно культурного и высокообразованного человека в интернате произошли изменения в жизни по крайней мере двоих девочек – Зои и Зины. Запись в кружок была для всех желающих, кто-то приходил, затем бросал, переключившись на что-то другое, но среди всех воспитанников настоящими талантами выделялись только двое: Зина и Зоя. Беда была только с мальчишками, никто не хотел идти в драмкружок по причине зажатости и страха перед публикой, а если точнее, из робости и стеснения. Зина с Зоей тоже не сразу побороли в себе эти страхи, но увлечение театром захватило обеих с одинаковой силой; прекрасную и утонченную Зою и грубоватую дурнушку Зину. А без мальчишек, ну никак! Хотели поставить сцены из «Ромео и Джульетты», но без Ромео нет и Джульетты. Не играть же Зинке Ромео! Хотя, надо признать, что у нее и это получилось бы. Сценки из Чехова, поставленные Константином Федоровичем с участием Зины и Зои, собирали весь интернат и даже жителей из поселка. Люди, проживавшие вдали от культурного центра Томска, кроме фильмов в клубе по выходным ничего не видели. Так, что именно в драмкружке интерната открылись Звезды: Зоя Бурмина и Зина Тутырина. А с Ромео произошла такая история...

Зоя очень хотела сыграть Джульетту, она знала многие диалоги из этой гениальной пьесы Шекспира наизусть на языке оригинала, когда-то много раз перечитывала их бабушке, иногда поправлявшей ее. Но не было у них Ромео, только один мальчик был в драмкружке, но он был заметно младше, намного ниже Зои ростом и совсем не подходил на эту роль. И вот печальная и грустная Зоя поделилась своей печалью и грустью со Славкой:

– Ты все говоришь, что на все пойдешь для меня, а вот в драмкружок к нам не записываешься, а нам так нужен Ромео! К своему стыду Славка Шекспира не читал и о «Ромео и Джульетте» слышал что-то весьма отдаленное на уроке литературы. Он взял в библиотеке книгу Шекспира и прочел ее. После прочтения Славка подошел к Константину Федоровичу и попросил, чтобы тот взял его на роль Ромео.

– Так сразу и Ромео? Не рано ли замахнулись на Шекспира, молодой человек! – с иронией спросил выдавший виды актер драмы, Константин Федорович.

На что, немного смутившийся Славка, ответил:

– У вас ведь нет никого на эту роль, а Зое хочется сыграть Джульетту! —

Константин Федорович решил рискнуть. Раз чувство влюбленности привело этого, с виду такого неотесанного парня, в драмкружок, значит все получится, так как нельзя сыграть любовь без влюбленности в героиню. И он оказался прав!

На репетициях скованный, долговязый, вечно незнающий куда девать руки Славка, долго не мог почувствовать себя молодым жителем Вероны, да еще и из аристократической семьи. Зоя была в полной растерянности, а присутствующая на репетициях Зинка, игравшая Кормилицу, буквально умирала со смеху, да так, что Константину Федоровичу пришлось ее серьезно урезонить и выпроводить из зала в коридор.

И все же премьера состоялась! Для платьев были пожертвованы шелковые гардины и тюль с окон, были изготовлены маски из бархатной бумаги. В сцене на балу, когда Ромео влюбляется в Джульетту и снимает перед ней свою маску, Зоя с длинными до пояса каштановыми

выми волосами, перевитыми жемчужными бусами и глазами цвета изумруда была настолько хороша и ослепительна, что в зале буквально можно было услышать как за окном падают снежинки, а потом раздался гром аплодисментов. Надо было видеть лица людей, сидящих в зале!

Сцену на балконе решили не ставить, ее не утвердила директор, уж слишком она эротична и предполагает объятия и поцелуи, что совсем не соответствует их учебному заведению. С ней не стал спорить сам Константин Федорович, хотевший поначалу напомнить директорше, что Зоя старше Джульетты почти на два года, но он благоразумно промолчал. А сцену на балконе отрепетировал с Зоей и без участия Ромео... Она пригодится ей при поступлении в театральный ВУЗ, но это будет гораздо позднее.

Закончилась долгая сибирская зима, весна наступала нехотя, снег местами пролежал до самого мая и лишь после праздника Победы солнце начало припекать по-весеннему. Ребята работали на земельном участке, принадлежащем интернату, на котором выращивали овощи для столовой. Правда, неизвестно куда уходила большая часть выращенного урожая, на интернатском столе овощей-фруктов было негусто, да и зелени тоже.

А Славка нашел где-то поляну с пролесками и Зоя постоянно находила маленькие букетики цветов то у себя в парте, то на прикроватной тумбочке или на обеденном столе в столовой. Затем были ландыши, которые сменили сибирские жарки, но это уже ближе к середине лета...

Впереди последний выпускной класс. Зоя твердо решила ехать в Москву поступать в театральный, она начала серьезно готовиться к поступлению вместе с Константином Федоровичем, который верил в Зою. Ну, а следом за Зоей и Зина тоже потянулась туда же, в артистки. Константин Федорович хвалит ее и говорит, что из нее получится характерная комедийная актриса, а его похвалы дорого стоят. Только один человек не в восторге от поступления Зои в театральный, Славка. – Он-то за ней в актеры не пойдет, это уж точно. И права Зинка, уедут они и все, прощай дружба и любовь! А Зоя станет настоящей звездой сцены, он уверен в этом. А ему до нее, как до звезды на небе... – Славка все больше грустит, хотя старается и не показывать вида, особенно при Зое. А она вся в мечтах о сцене и ничто и никто не сможет ее от этой мечты заставить отказаться.

И все же у них есть еще один год совместного пребывания в интернате и этот год они будут вместе. Но, как уже было сказано, в жизни бывают и вещи непредсказуемые.

Как-то во время дежурства по столовой Зоя увидела в дверях кладовки кабанистую фигуру Кока. Внутри у нее все сжалось, она знала, что Славка с ребятами занят на разгрузке овощей на зиму и не может уследить за ней. Но Кок еще издалека начал:

– Да не бойся ты... я ж серьезно к тебе, я ж жениться на тебе хочу! Как исполнится тебе восемнадцать, так и распишемся! Я тебя как на сцене увидел, так спать с тех пор не могу, вот ты где у меня, он стукнул себя по своей мясистой груди под белым поварским фартуком. Зоя не сдержалась и может впервые в жизни расхохоталась так, как никогда раньше, настолько нелепым и смешным показался ей этот жест повара. А он рассвирепел:

– Брезгуешь, артистка! Мы одни, а ключик вот он! – и Кок показал ей связку ключей. Твой охранник далеко и не видит, как я тебя сейчас на этом столе разложу, – с этими словами Кок потянул к Зое свои ручищи, схватив ее, бросил на огромный разделочный стол в кладовке и стал задирает на ней юбку, так и не успев запереть дверь. В этот самый момент кто-то со всего маха огрел Кока огромной сковородой по голове. Кок обмяк и упал на кафельный пол, как подкошенный, а на поварской белой шапочке разрасталось ярко-красное пятно. Зоя в ужасе смотрела на Кока, потом перевела свой взгляд на Славку.

Славка стоял блее муки, рассыпанной на разделочном столе во время неравной борьбы Зои с Коком, в руках у Славки была большая сковорода. Тут в кладовку зашла уборщица и увидев на полу окровавленного повара закричала в голос. На ее крик прибежали работники кухни и схватив Славку, поволокли к директору интерната Марии Васильевне, которая проработала в этом учреждении больше двадцати лет. Мария Васильевна вызвала милицию, Славку поса-

дили в милицейский УАЗик и увезли в отделение, а Зою стал допрашивать в присутствии директора интерната другой милиционер.

О том, что произошло во время ее дежурства по кухне в кладовке, Зоя рассказала все как было. Приехала скорая помощь и забрала Кока в больницу. Следователь составил протокол, который подписала Зоя, директор Мария Васильевна и кто-то из сотрудников интерната. Когда милиционер уехал и все стали расходиться, Мария Васильевна попросила Зою задержаться. Когда все вышли из директорского кабинета, она открыла окно и закурила в присутствии Зои. Закончив курить, Мария Васильевна тяжело глядя на Зою, произнесла:

– А все из-за тебя, артистка! Всех мужиков с ума свела! И никакая ты не Зоя Бурмина, а Изольда Гольфштадт, и комсомола тебе не видать, и в Москву ты поступать не поедешь, так и знай! Заварила кашу! – Директорша презрительно бросила на Зою взгляд, затем понизив голос продолжила:

– Но я тебе дам шанс, меняй показания пока не поздно, дескать шашни у тебя были с Чубаровым на кухне и Толе случайно из-за ревности досталось сковородой по голове. Тебе ничего не будет, да и Ромео твоему, вы несовершеннолетние, а меня затаскают теперь. Да и девчонкам скажи, чтобы они рот на замке держали про приставания на кухне, сами сучки виноваты, знаю я, повидала многое здесь за двадцать лет! От матерей-шалав шалавы и рождаются. А тебе советую крепко подумать, иначе тебе Москвы не видать и денег на дорогу тоже, так и знай! Иди с глаз моих! – Директорша рукой указала Зое на дверь.

Зоя не пошла на обед, а присидела до тихого часа в отдаленном уголке парка, среди кустов шиповника. Вдруг она услышала голоса девчонок, которые искали ее и нашли здесь, в заброшенной беседке посреди колючих зарослей. Их было трое: Зинка, Лена Иванова и Нина Кравцова, все они – ее соседки по столу и спальнной комнате. Девчонки стали расспрашивать Зою, что все же произошло на кухне сегодня во время дежурства, но она молчала. Зинка протянула Зое котлету с хлебом, которую ей удалось спрятать и вынести из столовой. Зоя была голодна и поборов брезгливость, молча съела ее. Затем они увели Зою с собой, так как нарушение распорядка и неявка на дневной сон, обязательный во время каникул, являлись тяжелыми проступками, а Зое и так досталось по полной.

В тихий час Зоя лежала на кровати, свернувшись калачиком и зажав в кулаке бабушкино кольцо. Она все же собралась с душевными силами и не позволила страху и растерянности заползти внутрь себя, вспомнив бабушку и историю их семьи. Она твердо решила, что наказания менять не будет, несмотря ни на что... Ну, а девчонки... пусть каждая за себя решает.

Состоялся суд, где обвиняемым был Славка Чубаров и ему реально грозила колония для несовершеннолетних. После выступления потерпевшего Кока или Анатолия Петлицына, от которого судья долго не могла добиться чего-то вразумительного, свидетельствовала директор интерната Мария Васильевна, из ее показаний следовало, что во всем виновата Изольда Бурмина, именно она своим неподобающим поведением и даже распущенностью, затеяла ссору между обвиняемым и потерпевшим, недаром ее не приняли в комсомол, что было неправдой. Судья, молча выслушав показания директора, задал вопрос Зое:

– Что Вы можете сказать в свое оправдание? – На это Зоя ответила, что лучше спросить у воспитанников интерната. —

Судья выписала нескольким воспитанникам повестки для дачи показаний, а также Нине Гавриловне Минаевой, классному руководителю Зои. На следующее заседание суда явилось четверо воспитанников: двое парней и две девушки, к которым Кока приставал. Девушки дали показания против Кока, а парни подтвердили их, напомним Коку в глаза, как они не раз ловили его за руки, когда он приставал к девчонкам. О Зое все говорили только хорошее и Мария Васильевна сидела пунцовая, опустив в пол глаза. Короче, Славку оправдали по всем статьям, а вот Марию Васильевну вместе с Коком уволили из интерната. Ее место заняла Нина Гавриловна, классный руководитель Зои, которая выступила в ее защиту. Эта история попала

в местные газеты, в общественной жизни Томска и области произошел резонанс, дошедший до властей города. И вот, в один из дней в интернат приехал мужчина в военной форме, друг, погибшего при задержании преступников отца Славки, и увез его с собой. Как потом выяснилось, он помог устроить Славку на учебу в военное училище. Так они и расстались, Зоя Бурмина и Славка Чубаров. Их пути разошлись по разным жизненным дорогам, что часто бывает в ранней юности.

Жизнь в интернате потихоньку наладилась и все старались не вспоминать о случившемся. Несколько дней спустя, новый директор интерната Нина Гавриловна подошла к Зое и протянув ей лист бумаги сказала:

– Пиши заявление о принятии тебя в комсомол. —

Зоя подняла на нее удивленные глаза.

– Уверена, ты достойна. Ты стойкий, верный друг и товарищ. Комсомол только выиграет от таких, как ты, пиши! – Она сказала так твердо и уверенно, что Зоя тут же написала заявление и отдала его в руки Нине Гавриловне. На собрании Зою утвердили единогласно, так она и стала комсомолкой.

Сибирское лето короткое, пролетело быстро, наступил новый учебный год. Весь 10-й выпускной класс Зоя готовилась вместе с Константином Федоровичем к поступлению в театральный, вместе с ней готовилась и Зина, воодушевленная успехами и похвалами в свой адрес. Успех был очевиден и ребята потянулись на занятия драмкружка, теперь все ждали новых постановок, а люди из поселка приходили вместе со своими детьми посмотреть спектакли. Приезжал из газеты корреспондент и написал статью о драмкружке в интернате, там же была опубликована большая фотография Зои с Зиной и остальных участников самодеятельности. Завязалась творческая дружба с Томским драмтеатром, который стал приглашать воспитанников детдома на свои спектакли, да и сами приезжали к ним с выступлениями и преподнесли в дар интернату костюмы, кое-какие декорации и предметы бутафории. Константин Федорович был горд и счастлив за своих воспитанников, ребята жадно потянулись к искусству. После репетиций он часто рассказывал, как ездил с бригадой артистов на фронт выступать перед красноармейцами и как несколько раз чуть не попал в плен к немцам. Послушать приходили все сотрудники интерната, приводили своих детей, а Нина Гавриловна распорядилась, чтобы на «театральных вечерах» всегда был чай с баранками и карамелью, ей искренне хотелось, чтобы интернат стал для ребят пусть общим, но родным домом.

Зоя получила письмо от Славки, он писал, что поступил в военное училище, ему нравится. Ну, а так ничего нового, много занимает времени физподготовка. Короткое мальчишеское письмо, написанное торопливым острым почерком. Были и другие от него письма, тоже короткие и по-военному четкие. Зоя всегда быстро ему отвечала и была обрадована, получив от него фото в курсантской форме. Своей фотографии у нее не было, поэтому она отослала Славке вырезанную из газеты, где они вдвоем с Зинкой. Так незаметно и подошел к концу последний год обучения Зои в интернате. В аттестате у нее были одни пятерки, характеристика тоже была отличная, а у Зины, в основном тройки, но она была окрылена успехами в драмкружке и похвалами Константина Федоровича, поэтому ничто не могло остановить Зину от поездки в Москву поступать учиться на артистку, тем более они едут вместе с Зоей!

Томск от Москвы далеко, билеты на самолет не достали, поэтому пришлось ехать поездом почти трое суток. Спасибо Константину Федоровичу, позвонил своей старой знакомой в Москву с просьбой приютить у себя двух девушек на время поступления в институт. Не ночевать же им на вокзале.

Нина Гавриловна выдала девочкам деньги, чтобы им было на что жить первое время. На вокзал провожать их пришли ребята из интерната и Константин Федорович, который успел незаметно сунуть в руку Зои деньги и прежде чем она опомнилась, заторопился к выходу вагона.

Поезд, качнувшись, тронулся. Впереди долгий путь по огромной стране. Девчонки припали к окну, чтобы в последний раз помахать рукой, провожавшим их ребятам и старому учителю-наставнику Константину Федоровичу.

Вот и Томск позади, впереди новая взрослая жизнь недавних воспитанниц детдома, а сейчас абитуриенток, жаждущих поступить и никуда-нибудь, а в театральный институт в далекой неведанной столице.

глава 3 Испытание на прочность

И вот они в Москве, после трех суток пути, вышли на перрон Ярославского вокзала. Багаж у них невелик, в детдоме выдали обоим по походному рюкзаку, а также по алюминиевой ложке с эмалированной кружкой и сухому пайку на несколько дней. Зоина семейная реликвия, серебряная ложка пропала сразу по прибытии ее в детдом, кто-то украл ее из прикроватной тумбочки. Хорошо, что цело бабушкино кольцо, с которым Зоя никогда не расставалась. Как-то на медосмотре врачиха посмотрела на висящий на шее Зои шнурок и спросила: – Ты что крест носишь? – затем взяв в руки кольцо на шнурке, крепко завязанном на шее Зои и приняв его за стекляшку, отпустила. А вот ложка пропала. Жаловаться Зоя не стала, понимая, что в бытность директорства Марии Васильевны, это бесполезно. А платье, сшитое руками бабушки и в котором Зоя поступила в детдом ей вернули. Платье ей было немного коротковато, так как за два года Зоя подросла, но можно было его удлинить за счет подпушки. Это платье из шотландки с большим воротником Зоя любила как память о доме и бабушке. В рюкзаке были и зимние вещи: пальто и обувь, так на первое время можно будет обойтись тем, что им выдали в детдоме.

Поступать решили в ГИТИС, конкурс туда огромный, казалось, что все красавцы и красавицы страны съехались сюда и если выразиться научным языком, то плотность или количество красивых людей на один квадратный метр старинного особняка, в котором располагался ГИТИС, просто зашкаливала! Поэтому карт-бланш был Зине обеспечен, лишь она и еще одна дурнушка были замечены на экзаменах. Сначала Зинка расстроилась, но поговорив с одной из красивых абитуриенток узнала, что красота как раз и является причиной многих отказов в поступлении и на одной красоте выехать невозможно, тут надо поразить именно талантом и яркой индивидуальностью, так что Зина скорее в выигрыше, а при ее уморительной мордахе считай, что поступила, успокоила ее красивая абитуриентка!

Зинка пошла первой, а Зоя ожидала вызова в коридоре. Народу было много, просто встать некуда, поэтому отбор происходил быстро. Иногда и одной минуты для экзаменаторов – театральных метров было достаточно, чтобы сказать – Спасибо, Вы свободны! – Но Зине на просмотре удалось удержать на себе внимание комиссии и ее допустили к следующему туру.

Когда Зоя предстала перед приемной комиссией, ей показалось, как кто-то прошептал: – Вот и еще одна красавица, и куда нам столько... —

Зоя внутренне собралась и прочитала монолог Джульетты на балконе. И опять, то ли шепот, то ли показалось...

– Еще одна Джульетта... – Зоя вышла из приемной комиссии в коридор уверенная, что ее не допустят к следующему туру. Но, к ее удивлению, это оказалось не так и она все же прошла все положенные этапы поступления, остался один, последний и самый решающий, на нем ей предложили сыграть хромую и больную старушку. Зоя сделала все что могла, импровизировала на ходу, но чувствовалось, что комиссию своей игрой она не убедила. Зоя кожей почувствовала, что это провал. Однако, слово взял председатель комиссии, известный на всю страну актер, его голос был решающим:

– Давайте честно скажем, коллеги! – обратился он к членам комиссии, – Перед нами красавица, настоящая героиня классических образов и я первый дам отрубить себе руку, если ей придется играть старух и уродин! И потом, – сказал он, понизив голос – девочка только что из детдома, жила среди молодых людей и детей, она и старух-то, наверно, не видела. —

Этот аргумент сильно подействовал. И только одна, по-настоящему, очень пожилая актриса поджала губы и насупилась так, что седые букли затряслись на ее голове, Зое она напомнила старуху-графиню из «Пиковой дамы».

В институт Зою все же приняли, так же, как и Зину. С легкой руки кого-то их окрестили как «две З», но для Зои Зинка подругой никогда не была, та сама привязалась к ней, а Зоя смирилась с этим, хотя многое в Зинке ей не нравилось. Единственное, чего не могла не признать Зоя, так это таланта. Зина была несомненно талантлива и очень упорна, она могла до бесконечности зубрить текст, постоянно репетировать перед зеркалом и хотя ей не хватало интеллекта, ее кругозор был слишком узок и даже примитивен, но в стенах института Зинка жадно набросилась на книги, впитывала в себя все, что рекомендовали преподаватели и даже сверх того. Москва с ее культурной жизнью, регулярными походами студентов в театры, музеи, на выставки, стала той средой, в которой юные сибирячки укоренились подобно морозоустойчивым розам. Зина и Зоя жадно впитывали в себя все, что им давала Москва. Зина, конечно, понимала, что ей никогда не играть героинь с ее-то внешностью, но она сразу твердо решила, что «кушать подано!» она играть не будет ни за что! И в провинциальный театр из Москвы не поедет тоже ни за что! Любой ценой она зацепиться за столицу! Зина даже мечтала сделать пластическую операцию по коррекции своего носа «картошкой» и приданию ему благородной формы, а также отбелить кожу лица от назойливых веснушек, которые нещадно плодились на ее лице каждую весну. Она как-то поделилась об этом с Зоей, на что та сказала, что этого делать никак нельзя, так как Зина потеряет свою индивидуальность и неповторимый шарм, чем страшно удивила Зину:

– А у меня разве есть шарм? – спросила потрясенная таким открытием Зина. На что Зоя уверенно ответила ей:

– Конечно! Ты талантлива и индивидуальна, в этом и есть твой главный шарм! —

Их поселили в одной комнате общежития, этих «двоих З», а вместе с ними девушку из подмосковного городка Таню Леонову, настоящую русскую красавицу с длинной русой косой и румянцем во всю щеку. Таня была доброй и стеснительной девушкой, неуверенной в себе, но типаж у нее был редкий, так как уже тогда, в начале 70-х трудно было отыскать настоящую народную красоту, пышущую здоровьем, да еще и талантливую. А у Тани, к тому же, и голос был прекрасный. Какие они разные эти девчонки, поселившиеся в одной комнате: озорная, смешная Зинка, изысканная, утонченная красавица Зоя и народная красавица, этакая царь-девица – Таня.

Учились они с упоением, в общежитие приходили только ночевать, так захватывающе интересно было в институте. Конечно, на стипендию жить было очень трудно, спасибо той же Тане, которая иногда ездила в свой подмосковный Подольск и привозила овощи, яблоки, а случалось – кусок сала и банки с вареньем. Родители Тани работали на заводе, в семье еще был младший брат, денег было у них немного и материально помочь они не могли, поэтому жизнь Тани тоже была не из легких и мало чем отличалась от жизни Зои и Зины. Хорошо, что для бедных и вечно голодных студентов в городских столовых Москвы в то время на столах всегда был бесплатный хлеб, горчица и кипяток в титане, не самое лучшее питание для будущих актрис, но все же...

Наступил Новый 1970 год, юбилейный год 25-летия Победы и 100-летия Ленина, торжественно отмечать которые готовились во всем СССР. Как и повсюду, в институте тоже шла подготовка к этим датам, но это была в основном подготовка спектаклей на героико-патриотическую тему революции. Зоя, с ее интеллигентностью и утонченностью, в таких постановках была задействована в ролях классово-враждебных элементов, а вот для Зинки и Тани ролей героинь из народа было предостаточно, они и сами были из народа, так же как и их героини. Девчонки выкладывались по полной, целыми днями пропадали в институте и репетировали, репетировали...

Приходили в институт из Мосфильма, приглашали на пробы, кто-то из студентов побежал туда в надежде сняться в кино, что было строжайше запрещено, вплоть до отчисления из института. Девчонки знали об этом, поэтому отказывались. Зинка потом призналась, что

на мосфильмовских пробах втихаря была, просто ей захотелось узнать, что это такое и есть ли у нее шансы попасть в кино, потому как большинство студентов тайно мечтало о большом экране. Зинка тоже надеялась засветиться на экране, она даже снялась в массовке. Времени это потребовало много, а денег заплатили мало, но Зинка, с ее смекалкой и пронырливостью, сумела познакомиться на Мосфильме со многими подобными ей, жаждущими славы и успеха, но пока еще непризнанными дарованиями. Когда выпадало свободное время, Зинка под разными надуманными причинами старалась просочиться через проходную на территорию крупнейшей кинофабрики СССР. Возвращаясь в общежитие, она взхлеб рассказывала Зое и Тане кого из знаменитостей она видела в этот раз на Мосфильме. Зоя относилась к этим рассказам спокойно, а вот на Таню они возымели сильное воздействие, от фамилий знаменитостей, которых удалось увидеть воочию Зине, у Тани голова шла кругом и она решила, что в следующий раз сходит с Зинкой туда обязательно.

От старшекурсников они узнали, что хотя сниматься в кино им запрещено строго-настрого, но возможность подработки всегда есть. Время от времени около института появлялись люди, предлагавшие студентам сняться в качестве моделей в журналах, на календарях, позировать скульпторам и художникам. К Зине никто ни разу не подошел с подобным предложением, а к Зое с Таней скауты или «охотники за красотой» подходили постоянно. Даже тогда в СССР 70-х годов это было! Профессиональных агентств не было, поэтому риск попасть в какую-нибудь передрыгу, а еще и похуже к маньяку, был высок, но девушкам очень были нужны деньги, на стипендию прожить было невозможно, поэтому они взяли телефон на всякий случай.

На следующий день Таня набрала указанный номер телефона, долго никто не подходил и она уже хотела повесить трубку на рычаг телефона-автомата, как на другом конце провода раздалось долгожданное: – Алло! —

Мужской голос был вальяжно-заспанным. Представившись Валентином Павловичем Кривинским, фотографом в известном издательстве, голос сообщил, что ищет моделей для съемок и назначил встречу в ближайший выходной на улице Горького у памятника Пушкина. Одет он будет в куртку-дубленку светлого цвета и джинсы. Надо сказать, что тогда в 70-е годы в СССР при повальном дефиците товаров народного потребления, иметь кожаную куртку, а также дубленку, а в особенности автомобиль, было привилегией избранных.

В назначенное время Зина, Таня и Зоя пришли к памятнику в центре Москвы. Тут же подъехал автомобиль «Волга», из него вышел мужчина лет под сорок в дубленке и голубых джинсах, с виду больше напоминавший фарцовщика, чем фотографа, хотя откуда приедем девчонкам было знать, как выглядят фотографы из известных издательств... Совсем рядом, в нескольких шагах располагалось издательство «Известия», а также АПН, агентство новостей известное во всем мире. Мужчина предложил девушкам пройти и сесть в автомобиль. Подойдя к машине, девчонки заметили сидящих в ней двоих мужчин, а так как в машине всего пять мест, то для Зины места не оказалось и говорливый Валентин Павлович отправил Зину восвояси, обосновав это тем, что у нее неподходящий для съемок типаж.

Зине ничего не оставалось делать, как направиться по улице Горького к ближайшей станции метро. Если сказать, что Зинка обиделась, значит не сказать ничего, она была глубоко оскорблена до самых фибр души своей:

– Да, была бы я красавицей, то ехала сейчас с ними на съемки и никто бы не сказал мне, что мой типаж не подходит. Но я докажу всем, что моими афишами будет обклеена вся эта центральная улица, весь этот надменный город с его неприветливыми людьми. – И Зина Тутырина зашагала по улице Горького своей тяжелой походкой, будто вколачивала в асфальт гвозди.

А Валентин Павлович предложил девушкам продолжить знакомство в неформальной обстановке в модном ресторане на Новом Арбате. Ресторан был весьма демократичным

и не требовал дресс-кода. На улице было ветренно и холодно, а там играла музыка, было тепло и уютно. Ни Зоя, ни Таня до этого никогда не были в подобных местах. Чувствовалось, что Валентин Павлович бывал здесь не раз. У входа в ресторан стояла большая очередь, но перед Валентином и его друзьями швейцар услужливо распахнул входную дверь, пропустив их во внутрь, бросил зашумевшей толпе фразу: – Это по брони! – Затем быстро закрыл дверь, поправил висевшую за стеклом табличку «Мест нет» и скрылся из виду возмущавшихся людей из очереди.

Стоило Валентину с компанией появиться в зале ресторана, как к ним тут же подошел администратор, который провел и усадил их за отдельно стоявший стол, предварительно сняв с него табличку «Забронировано». Поинтересовавшись, что дамы будут пить, Валентин Павлович заказал шампанского и фруктов. Мужчины, представившиеся, как Марат и Эдуард, ненадолго отошли и вскоре вернулись. А еще минут через десять в зал зашли две девушки, как сейчас бы сказали «модельной внешности». Стильные, раскованные, при своем появлении они привлекли к себе внимание всего зала. Валентин представил девушек, блондинку звали Майя, а шатенку Маргарита или, как ее все называли, Марго. Марго, скользнув взглядом по девушкам, заняла место напротив Зои рядом с Эдуардом, а Майя села рядом с Маратом, судя по всему, все они были давно знакомы. Дальше началось обычное застолье, разговоры ни о чем. Таня, со всей простотой и неискушенностью в правилах этикета, налегла на принесенные официантом блюда, а у Зои комок в горле застрял. Она не была дикаркой, но не ожидала, что окажется в компании взрослых мужчин, которым, как и Валентину, было под сорок и которые не торопились с деловыми предложениями в адрес студенток. Не смотря на уговоры, Зоя практически не пила весь вечер, а Таня пила шампанское с огромным удовольствием, как будто это не шампанское, а газировка и в конце вечера набралась так, что Зоя заволновалась, что Таня не сможет самостоятельно добраться до общежития. На что, тоже изрядно захмелевший Валентин, сказал:

– Вы что девушки, какое общежитие? Сейчас всей компанией поедим ко мне, а хотите на дачу и продолжим знакомство. Таня посмотрела на Зою умоляюще:

– В самом деле Зоя, завтра же воскресенье... —

Валентин подхватил: – Зоя поехали ко мне, ничего плохого с вами не произойдет. – На что Майя и Марго громко засмеявшись, закивали головами.

Зоя тихо, чтобы слышала только Таня сказала:

– Таня, поехали, я возьму такси, у меня есть с собой деньги. —

Уже хорошо опьяневшая Таня, с горькой усмешкой ответила:

– Посмотри, как они живут, как они все одеты. Я тоже хочу так. Я поеду с ними, а ты Зоя, как хочешь. —

Зоя встала из-за стола, но Валентин грубо схватил ее за руку:

– Нет, девочка за ужин надо отрабатывать... —

У Зои в сумочке было десять рублей, последние ее деньги, а до стипендии еще десять дней. Зоя достала и положила перед Валентином эти свои последние деньги, вышла из-за стола и направилась к выходу. Сразу протрезвевшая Таня хотела последовать за ней, но Валентин не дал ей этого сделать, ухватив ее за руку сказал:

– Тебе деньги нужны, ты ведь за этим пришла сюда? У тебя будет много денег, модных тряпок и еды, и никто тебя не убьет, артистка, но играть будешь по моим правилам. – Он сказал это так жестко, так властно, что Таня сразу превратилась в кролика перед удавом. Удавом был Валентин.

глава 4 Таня, или Выхода нет

Таня вернулась в общежитие на следующий день, поздно вечером в воскресенье. Вошла вся одетая в импорт, с большим пакетом в руках, который она поставила на стол и сказала Зине с Зоей:

– Налетайте! —

Зинка, уже в ночной рубашке, стала с жадностью есть, разворачивая свертки с едой, там была и буженина с окороком, и осетрина, и баночки с икрой и крабами, фрукты, шоколад... Только Зоя ни к чему не притронувшись, отвернулась к стенке и закрыв глаза, молча боролась с голодом. В этот день она кроме хлеба с водой ничего не ела. Запах вкусной еды из Елисеевского магазина сводил с ума, но есть Танины продукты она отказалась наотрез.

На хлебе с водой Зое было тяжело дотянуть до получения стипендии, преподаватель Донецкий Григорий Степанович подошел к ней в коридоре и с тревогой глядя на Зою сказал:

– Зоя, что с Вами, Вы больны? – как вдруг Зоя упала в голодный обморок, прямо ему в руки. Подбежали девушки-студентки, кто-то стал обмахивать Зою тетрадкой, кто-то принес воды. К Донецкому подошла Зина и тихо сказала:

– Да голодная она, у нее деньги украли. Вот уже неделю на хлебе с водой.

Тут Зоя пришла в себя. Преподаватель Донецкий попросил всех разойтись и повел Зою с собой в буфет, где накормил ее обедом, а затем спросил:

– Почему ты не сказала мне, что у тебя украли деньги? Так нельзя... ты должна была сказать мне. Возьми, – он протянул Зое десять рублей, что по тем временам были приличными деньгами. – И обязательно ешь! Мы что-нибудь придумаем, – сказал старый преподаватель.

Донецкий Григорий Степанович, которому было под шестьдесят, давно работал в ГИТИСе и многое повидал на своем веку. Родился он перед самым закатом Российской империи в 1912 году, в крестьянской семье, рано остался сиротой, родители умерли толи от голода, толи от испанки, когда Грише не было и десяти лет. Бродяжничал, прибился к беспризорникам, пока не попал к Макаренко, в его знаменитую колонию, закончив которую перебрался в Москву. Учился, сам прошел театральную школу и уже много лет его трудовая деятельность была связана с ГИТИСом, где он преподавал основы мастерства. История Зои взволновала его. Сирота из детдома с манерами аристократки сразу привлекла внимание учителя. В кино сниматься строжайше запрещено, а как выжить девушке в чужом огромном городе без материальной поддержки... и тут он вспомнил о своем друге художнике Раковском Викторе Васильевиче, который иногда приходил в ГИТИС присматривать модели для позирования.

Виктор – именитый, обласканный властью и очень обеспеченный человек, а главное, порядочный и со стержнем. С таким не страшно познакомиться девушку. Григорий Степанович был абсолютно уверен в Викторе и решил познакомиться Зою с ним. Возможно, она станет его моделью, а он материально поддержит ее, оплачивая сеансы позирования, сделает своей Музой и запечатлеет ее изысканную красоту на своих полотнах.

Виктору Раковскому было тридцать восемь лет и несмотря на вполне еще молодой для мужчины возраст, он был признанным художником, жил в шикарной квартире в районе Арбата и имел мастерскую на Верхней Масловке, в знаменитом Доме художников. Недавно у него прошла персональная выставка к 25-летию победы, где были представлены его полотна, посвященные подвигам солдат Второй мировой войны. Со многими прославленными героями он был хорошо знаком лично. Писал Виктор и сильных мира сего: партийных бонз, а также знаменитостей из мира искусства, деятелей науки, космонавтов. Помимо выдающегося таланта, Виктор обладал даром привлекать к себе людей, работая за мольбертом, он умел раскрыть суть любого человека, от простого труженика до высокопоставленного лица, обремененного властью и все

это перенести на холст. Познакомившись с Виктором, многим из них хотелось продолжить общение с ним, а некоторые становились его друзьями на долгие годы. Раковский был хорошо образован, умен, а главное, искренен в отношениях с людьми, пожалуй, это было его основным качеством характера. Быстро достигнув успеха и благосостояния, Виктор не зазнался. Родом он был из небольшого городка Вологжанска на Северо-Западе России, где продолжали жить его родители. Он любил при первой же возможности приезжать в родные места, чтобы запечатлеть на полотнах родные просторы, подышать воздухом малой Родины, навестить родителей и друзей детства. В глубине души Виктор любил уединение и избегал светской жизни, особенно после смерти жены, безвременно почившей три года назад. Надо сказать, что жена его была дочерью знаменитого маршала, прошедшего всю Великую Отечественную Войну. Многие расценивали этот брак, как брак по расчету со стороны Виктора, но на самом деле это было не так. Виктор и его покойная жена Мария десять лет прожили в любви и согласии до самой ее кончины. Детей у них не было, жена прошла лечение в самых лучших клиниках, но, как говорится, «Бог не дал.» После смерти жены Виктор жадно набросился на работу, брал госзаказы, которые щедро оплачивались и получали всевозможные премии. Часто выезжал Виктор и за границу, где с успехом проходили его персональные выставки, много картин расхищалось по частным коллекциям. У Виктора были все привилегии, положенные ему, как депутату Верховного Совета СССР, блестящая карьера уверенно шагала в гору, многие пророчили Виктору звание Героя Соц. Труда к его юбилейной дате. Благодаря уму и характеру Виктору удавалось не заводить врагов, но завистников у него было немало, его успех и дружба с сильными мира сего некоторых из его окружения весьма раздражала, если не сказать большего. Пока ты в фаворе, тебя никто не смеет тронуть, во времена расцвета СССР именно так и было, но каждый из небожителей знал, стоит потерять почву под ногами, высокие должности, так сразу находилась стая борзых, бульдогов и шавок с моськами, которые были способны повалить даже льва. Главное, получить команду сверху. У Виктора было все прекрасно, наверху его любили и никаких команд, кроме почестей и наград сверху не поступало. Да и повода Виктор не давал, он не был возмутителем спокойствия, всегда играл по правилам, но если кто-то обращался к нему с просьбой, старался помочь и никогда никого не оставлял в беде. Вот таков он был человек.

Виктор был худощавый, высокого роста, рано поседевший. Черты лица правильные, глаза были серыми и почти всегда грустными. Смеялся Виктор мало... и еще, несмотря на контактный характер, Виктор не пил, что являлось редкостью в среде художников. Непьющий человек вызывал подозрение и лишь немногие знали, что у Виктора больное сердце и пить ему запретили врачи, хотя он и сам был не из любителей зеленого змия. Единственное, с чем Виктору трудно было справиться, так это с курением. Он периодически бросал курить, затем вновь возвращался к этой убийственной для себя привычке, врачи даже склонны были разрешить Виктору выпивать понемногу, но курение, привязавшееся к нему с юности, как средство борьбы со сном, реально вредило его здоровью. А может не столько само курение, как борьба с ним...

С тех пор в голове Донецкого засела мысль познакомить Виктора с Зоей. Он сам позвонил Виктору и пригласил его в ГИТИС, чтобы показать ему девушку редкой красоты – Зою. У Виктора был срочный заказ и он ответил, что как только освободиться, то обязательно придет к нему в институт.

Как только Зоя получила стипендию, она, уловив момент, подошла к Григорию Степановичу, чтобы отдать долг и поблагодарить его за помощь. Смущенный Григорий Степанович брать деньги не хотел, на что Зоя возразила, что если он не возьмет от нее возвращенный долг, то лишит ее возможности впредь обращаться к нему за помощью и настояла на том, чтобы деньги Григорий Степанович от нее взял. Так между студенткой и учителем установились теплые и дружественные отношения, хотя на процессе обучения это никак не отразилось. Григорий Степанович по отношению к Зое, как его ученице, был очень требователен, но справедлив.

Зоя внимала всему тому, что он давал им на занятиях, на которых бывали у них и «лирические отступления», как говорил учитель, но, как правило, все это было как-то связано и с процессом обучения.

Во время таких «лирических отступлений», Григорий Степанович рассказывал, как попал еще мальчишкой в знаменитую колонию им. Горького, руководителем которой был Макаренко, рассказывал, как на крыше вагона поезда добрался до Москвы, поступил учиться в тот же ГИТИС и закончил его перед войной, затем воевал на фронте. Ученики внимательно слушали и лишь один из студентов Игорь Самохвалов сказал:

– Сколько происшествий, а вот мне восемнадцать и никаких событий ни в моей жизни, ни в стране. Родился в СССР, так и умру в СССР. – Кто бы знал тогда, что пройдет каких-то пятнадцать лет и всем им будет немного за тридцать, как ход истории повернет события таким образом, что не станет ни СССР, ни казалось бы такой незыблемой и твердокаменной коммунистической партии Советского союза и многие судьбы сложатся как и не представить тогда, в 1970 году, когда им всем было по восемнадцать лет и их жизни только начинались.

Проучившись вместе четыре месяца, студенты постепенно присмотрелись друг к другу. Выбрали старосту, комсорга, стала постепенно образовываться «иерархия» группы. Зоя была по-прежнему закрыта и обособлена в группе, ее связующим звеном, как и в детдоме, была Зина Тутырина, которая приживалась на любой почве и подобно сорному растению почти никогда не болела и не падала духом, в твердой уверенности, что уж ей-то точно в этой жизни повезет! А что, и в самом деле уже несказанно повезло; родилась в глухом уголке Сибири, в неблагополучной семье, попала в детдом, где встретила Зою и Константина Федоровича. Затем был драмкружок, первый успех и похвалы, приезд в Москву, где с первого раза поступила в столичный ВУЗ ГИТИС, живет и учится в Москве, где преподают лучшие учителя! А ей только недавно восемнадцать стукнуло! Да, и пусть она некрасива, зато у нее есть шарм, талант, что признала даже такая писанная красавица, как Зоя. Значит она чего-то стоит в этой жизни. Нет, что ни говори, она своего не упустит. И пусть на нее не западают парни, которые смотрят в стороны красавиц, придет и ее время, она еще всем покажет, кто такая Зина Тутырина!

Таня тоже как-то закрылась ото всех, по воскресеньям она уходит на съемки для какого-то календаря на экспорт, приходит поздно и сразу ложится спать. У Тани появились красивые модные вещи, импортная косметика, духи. Зинка молча завидовала: – Вот она истинная цена красоты, чуть покрутилась перед камерой и на тебе: и тряпки модные, и продукты из лучших магазинов Москвы! Она тоже вприпрыжку побежала бы за своей удачей, но ведь никто не зовет. Есть у них в группе хорошие ребята, так они смотрят на нее, как пусть и на талантливую, но мебель или что-то из бутафории, но не как на девушку, которой признаются в любви, дарят цветы... А москвичи и москвички в сторону их, иногородних, так и вообще не смотрят. Ничем они не отличаются от презренной лимиты, изгоев Москвы, которые ютятся так же, как и они в общагах в ожидании лет через десять получить прописку и право стать москвичами. И все же как несправедлива бывает жизнь, одним – все, другим – ничего!

Перед сном Зинке частенько приходили в голову подобные мысли. Может поэтому ей особенно удавались роли обиженных и обделенных жизнью персонажей, в которых она искренне выплескивала всю свою боль и зависть к более успешным и благополучным.

Вот и первая сессия позади, есть ребята, которые обзавелись «хвостами», претенденты на вылет. Поступить трудно, а еще труднее учиться и дойти до финиша, отсеив на первом и даже втором курсе дело почти обычное и лишь немногие из поступивших получают дипломы.

Таня зимнюю сессию запорола, целых два хвоста. Зоя в силу своего характера и воспитания не имела привычки лезть в душу с расспросами, а с Зиной Таня не делилась. Однажды, когда они возвращались вдвоем с Зоей из института и проходили мимо поста, дежурный вахтер окликнул

– Таня, Таня Леонова, тебе посылка! – удивленная Таня взяла у вахтера увесистый пакет, вскрыла его, затем, побелев как мел, пошла прочь от Зои к выходу из общежития. Где она была и что было в том конверте, Таня не сказала, а Зоя не стала расспрашивать ее.

И вот как-то уже в зимние каникулы, когда в комнате остались только Зоя с Таней, а Зинка ускакала тусоваться на Мосфильм, Таня предложила попить чаю. Зоя принесла из буфета чайник с кипятком, а Таня разложила на столе разные вкусности из Елисеевского и положив на хлеб кусок буженины, протянула его Зое со словами

– Ешь, а то ты совсем прозрачная... Ешь, пока я здесь с тобой. – И немного помолчав, продолжила. – Ничего из меня Зоя не получится, никакой артистки из меня не выйдет. И сессию я запорола, и жизнь себе тоже испортила.

– Что случилось, Таня? – спросила Зоя, вглядываясь в лицо девушки, -ты последнее время сама не своя. —

– Поздно я поняла, Зоя, что за все в жизни надо платить... За шмотки, еду и удовольствия. Ни о чем меня не спрашивай, я потом тебе все сама расскажу, только прошу, хоть ради меня поешь. Это моя к тебе личная просьба, – горько улыбнувшись, добавила Таня.

А за окном светило яркое солнце, небо было голубое-голубое. Зоя прервала молчание

– Смотри погода какая хорошая, пойдем сходим по студенческим в театр или в Третьяковку, можем просто погулять. —

– Нет, ты иди, иди, а я посплю немного. – ответила Таня.

Зоя решила пройтись по бульварному кольцу, у нее появился свой излюбленный маршрут в Москве. Светило солнце, было много детей, бросавшихся снежками. Стояла оттепель, снег мокрый и один из тяжелых снежков, словно камень больно ударил Зою в спину. У нее вдруг стало от чего-то тревожно на сердце и она резко повернувшись, поспешила назад в общежитие, а голове всю дорогу стучало, – Что-то произошло нехорошее с Таней и зачем она оставила ее одну. —

Она уже не шла, а побежала бегом, взлетела по лестнице общежития и распахнув дверь в комнату, увидела Таню, лежавшую на кровати, а на полу валялся пустой аптечный пузырек. Выбежав в длинный коридор общежития, и открыв первую же дверь, Зоя только и успела, как крикнуть

– Срочно скорую! —

Девчонки-соседки побежали вниз на проходную к телефону, чтобы вызвать скорую помощь, которая быстро приехала и забрала Таню в больницу. Зоя поехала на скорой вместе с ними. Таню увезли в реанимацию, а Зоя осталась ждать в больничном коридоре, она решила просидеть здесь всю ночь, пока не дождется вестей о состоянии Тани. Вдруг из каких-то неведомых глубин подсознания вспомнилась молитва «Отче Наш», которую они читали вместе с бабушкой и Зоя начала внутренне усердно молиться о здоровье и сохранении жизни Тани. Предательски медленно текло время, стрелки на больничных часах показывали половину девятого вечера, на улице было уже темно.

Таню спасли. К Зое вышел врач и сказал, что еще немного и Тане уже ничего не помогло бы. Сказал, что сейчас ее жизни ничего не угрожает и через несколько дней ее выпишут.

Из больницы Таня пришла через неделю. Она настолько изменилась, что в ней с трудом можно было узнать прежнюю розовощекую, синеглазую красавицу, пышущую здоровьем. Она сразу как-то померкла вся изнутри. Никому ничего не сказав, Таня забрала свои документы из института и уехала домой в Подольск. Больше о ней никто ничего не слышал.

Какое-то время в комнате проживали только Зина с Зоей, а потом к ним подселили девушку с другого курса Веру Кондрашову, которая была постарше их года на два и у нее уже сложился свой круг общения, приходила она в основном ночевать, а все время проводила со своим курсом.

глава 5 Любовь не спросила когда прийти

Вот и зимние каникулы позади, начался второй семестр обучения в институте.

В один из таких дней в ГИТИС приехал Виктор Раковский, именитый художник и старый приятель Донецкого Григория Степановича, который пригласил его на генеральную репетицию спектакля, посвященного 100-летию Ленина.

Виктор, чтобы не мешать студентам и их преподавателю сидел в глубине темного зала, а на ярко освещенной сцене под софитами шло действие спектакля. Зоя была в роли княжны, плененной революционными властями и в которую против своей воли влюбился комиссар, а Зинка, конечно, – девушка с ружьем, влюбленная в того самого комиссара и готовая на все ради любимого и революции, которую он собой олицетворял. Пьеса с довольно интересным сюжетом, несмотря на заезженную героико-патриотическую тему, связанную с юбилеем В. И. Ленина.

Бледное лицо Зои, находящейся в глубине сцены, было плохо видно, но Виктор, как художник был покорен грацией движений и благородной осанкой Зои, а также ее голосом, по ходу спектакля Зоя играла на пианино и пела. Она всецело завладела вниманием Виктора, он весь спектакль не мог оторвать от нее глаз и смотрел только на нее.

Когда генеральная репетиция спектакля закончилась и студенты были отпущены, Григорий Степанович позвал к себе Зою, чтобы представить ее своему другу художнику Раковскому. Зоя была в гриме с прической начала прошлого века, ее роскошные каштановые волосы, оттеняли изумрудную зелень глаз с густыми и длинными ресницами, высокие, чуть поднятые к вискам брови, придавали ее лицу ореол таинственности и загадочности. Повидавший на своем веку много лиц, Виктор мог поклясться, что никогда не видел в жизни более прекрасных черт, совершенной фигуры и всего того пленительного очарования, что исходило от этой совсем еще юной восемнадцатилетней девушки.

Донецкий представил их друг другу и их взгляды встретились... Виктор был поражен откуда у совсем молоденькой девушки такое выражение глаз, сколько в них чувства и таинственной глубины, как у много пережившей женщины. Неужели только благодаря таланту перевоплощения в свой сценический образ? В душе Виктора возникло непреодолимое желание написать портрет Зои, о чем он ей и сказал. Он дал ей свой номер телефона и сказал, что будет ждать от нее звонка. Зоя взяла записку Виктора и Григорий Степанович отпустил ее. Она попрощалась и ушла.

– Ну, что скажешь? – Донецкий вопросительно посмотрел на Виктора.

– Почему у нее такие взрослые глаза? – Спросил Виктор, – Ведь ей всего восемнадцать! —

– Тут ты попал в самую сердцевину, Виктор! Девочка – сирота из Сибири, после смерти бабушки, воспитывалась в детдоме, а оттуда к нам. Ей очень тяжело живется, я это по себе знаю, какого в юные годы остаться одному на всем белом свете, без поддержки. Но девушка со стержнем, честная, чистая и порядочная. Мне хотелось, чтобы ты помог ей, взял ее под свою опеку, если бы я не знал тебя, то не решился бы вас познакомить. Но я знаю тебя много лет, поэтому поручаю тебе Зою, помочь взрастить этот редкий талант. Я уверен, что из нее получится настоящая прима сцены, я в свою очередь, как педагог все для этого делаю и впредь буду делать, но талантам надо все же помогать, бездарности сами локтями толкаются, – добавил он.

С тех пор Виктор стал ждать звонка от Зои, но она почему-то не звонила. Виктор терялся в догадках, – Может телефон случайно потеряла? Но можно узнать и у Донецкого... – Виктор поймал себя на мысли, что кроме портрета Зои он совершенно ничего не хочет писать. Хорошо, что работы к юбилейным датам закончены и он может заняться тем, что ему действительно по душе. Ему захотелось отобразить на холсте это удивительное лицо, а главное, – глаза, пой-

мать и запечатлеть ее таинственный и полный грусти взгляд. Всегда деятельный и уверенный в себе, Виктор загрустил, а посмотрев на себя в зеркало, в которое он почти никогда не смотрелся, ну разве перед редкими выходами в свет или по своим общественным делам, и увидев себя, почти совсем седого, и вспомнив ее, такую юную и прекрасную, с горькой усмешкой сказал сам себе:

– Нет, Виктор, эта девушка не про тебя. Никогда не лежать твоим седином рядом с ее прекрасными каштановыми локонами, выброси из головы и постарайся смотреть на нее, как на свою Музу, как на источник вдохновения и не более того. – С этими словами Виктор оделся, вышел из мастерской, сел в автомобиль и поехал по своим излюбленным местам Москвы, полюбоваться ими и выбрать места для будущих этюдов. Виктор помимо портретов любил рисовать пейзажи, это был его отдых, его отдушина. Если рисуя портреты, он трудился над раскрытием образа и характера человека, то рисуя пейзажи, он отдыхал, природа сама шла навстречу и открывала ему все самое лучшее в себе.

Виктор и сам не понял, как подъехал к ГИТИСу. Он сидел в машине, глядя на этот старинный особняк, в самом центре Москвы, в надежде хоть издали увидеть Зою и не дождавшись, поехал в свою квартиру в одном из переулков Арбата, исторического места Москвы, которую полюбил всем сердцем. В последнее время, много работавший Виктор, редко бывал в своей огромной и опустевшей после смерти жены, квартире. Здесь все напоминало о их жизни с Марией, все осталось на своих местах, все хранило память о ней, женщине, которую он ценил, уважал и любил. Конечно, Виктор не был монахом-затворником, после смерти жены у него было несколько кратковременных связей с женщинами. Верный и моногамный по своей сути, Виктор не любил менять партнерш, но как-то ему не удавалось найти ту, в которой соединялись бы необходимые для него качества: любовь, уважение, общность интересов и творческих поисков. Развязанных эстеток с налетом декаданса, много и долго рассуждавших о искусстве под коньяк и сигареты, сам много куривший и боровшийся с этой пагубной привычкой, Виктор не любил, а только терпел общение с подобными дамами, но и «клуши», готовые раствориться в своем кумире и сидеть часами напролет с незакрытым ртом, глядя на него, раздражали его не меньше. Но особенно он остерегался охотниц за престижными, богатыми и знаменитыми мужьями. Как правило, это были молодые, прибывшие из отдаленных регионов девушки и женщины, готовые любой ценой выгодно выйти замуж за престарелого, но известного, а главное, богатого мужчину, чтобы потом прибрать к рукам все, что необходимо для ведения роскошного и беззаботного образа жизни. И, как ни странно, некоторым это удавалось. Виктор сам не раз видел подобные пары в которых, как правило, престарелые мужья, бросившись в бурные отношения с молоденькими женами, очень быстро заканчивали свой жизненный путь на знаменитом погосте для элиты страны – Новодевичьем кладбище. А на опубликованных в СМИ фото, иногда можно было увидеть «безутешную» молодую вдову в окружении детей умершей знаменитости, которые были явно старше по возрасту своей новоиспеченной мачехи. Поэтому Виктор старался не заводить долгих связей и жениться не торопился. А в последнее время ушел с головой в работу, но увидев Зою потерял покой. Вот и сейчас слонялся по квартире, как влюбленный мальчишка и решительно не знал, что делать.

Виктор подошел к написанному им когда-то портрету жены и вглядываясь в знакомые черты, спросил:

– Что мне делать, Мария? Такой, как ты, так и не встретил... Прости, Маша, но мне кажется я влюбился в эту девочку. Голова седая, а сердце бьется, как у подростка. Маша, помоги мне... – И Виктор прижался лицом к портрету. – В этой квартире он явственно ощущал контакт со своей умершей женой, которую, как он всегда считал, любил и, конечно, уважал, но страсть, вспыхнувшая к Зое сожгла все вокруг себя. И сейчас он просто мужчина, а не обласканный званиями и почестями известный художник, он все бы это не раздумывая

бросил ради любви этой прекрасной юной девушки. Нигде нет ему покоя и в этой квартире тоже.

Подойдя к телефону, Виктор набрал номер своего друга, известного ученого с которым ему остро захотелось встретиться прямо сейчас, если это возможно.

Академик Берсенев, знаменитый хирург, портрет которого Виктор писал и дружбу с которым очень ценил, жил в знаменитом Доме на набережной, на Берсеневской набережной. Этот факт часто становился поводом для шуток, что набережная названа в честь академика Берсенева и некоторые неискушенные гости верили этому, особенно иностранцы.

Подъехав к дому и припарковав машину, Виктор поднялся не лифте на 7 этаж печально знаменитого дома, построенного для советской элиты и являвшимся символом достигнутого успеха и высокого статуса. Теперь трудно сказать, что чувствовали люди, получавшие ордера на заселение в квартиры подвергнувшихся репрессиям и получивших сроки в лагерях, а некоторые и высшую меру. И хоть те времена давно прошли, но и после смерти Сталина за домом тянется печальный, траурный шлейф тех событий.

Евгений Сергеевич Берсенев был намного старше Виктора, но не потерял ни веселого нрава, ни оптимизма и вкуса к жизни, несмотря на многие жизненные испытания, выпавшие на его долю. Они встречались с Виктором на заседаниях в высоких инстанциях, академик Берсенев – Герой Соц. Труда, занимал большие общественные посты, но еще продолжал присутствовать на операциях и консультировать в ЦКБ или в Кремлевке.

Виктор был за рулем, поэтому на столе были только безобидные напитки и клюквенный морс, приготовленный хозяйкой дома Аллой Сергеевной, с которой Берсенев Евгений Сергеевич прожил всю жизнь в любви и согласии. От этой пары исходило удивительное человеческое тепло и заряд оптимизма.

– Что с тобой, друг мой? – внимательно глядя в лицо Виктора, произнес Евгений Сергеевич.

– Вот за этим я к вам и пришел... – загадочно, произнес Виктор.

– На что жалуетесь, молодой человек? – продолжал в своей шутиливой манере знаменитый на всю страну врач.

– Не ем, не сплю, не хочу ничего делать, места себе не нахожу. – ответил Виктор, стараясь улыбаться.

– Так, на лицо все признаки влюбленности, молодой человек! А влюбленность, хоть некоторые и склонны считать чем-то сродни болезни, но я лично придерживаюсь обратного мнения и вполне согласен с Пушкиным, что ее порывы бывают и плодотворными, тем более для людей творческих. – добавил академик.

– Она слишком молода для меня... двадцать лет разницы... – Виктор обхватил голову руками.

– Эх, мне бы Ваши годы, молодой человек! Тридцать восемь всего! Да Вы мальчишка! Слушай, Виктор, а мне что тогда остается делать? На Новодевичье завтра, прямо с утра? Нет, друг мой, жить надо до последнего вздоха! – и слегка понизив голос, – я вот тоже иногда на молоденьких заглядываюсь. Признаюсь, брат грешен! Но только заглядываюсь и ничего более... А ты в старики себя записал, чтобы больше подобного не слышал от тебя! Красавец, талантище, не пьешь... А как с курением? —

– Держусь, Евгений Сергеевич! —

– Вот и держись! А то приехал на ночь глядя... расстроил меня! Старик нашелся! – и Евгений Сергеевич грозно посмотрел на Виктора. Посидев около часа, они распрощались, а Виктору и вправду стало легче после их разговора. С легким сердцем и даже в приподнятом настроении он поехал на Масловку в свою студию, где большей частью проживал постоянно после смерти жены. Ему было здесь привычно и удобно, да и работа всегда под рукой, а главное, не было горького чувства утраты близкого человека. Неприхотливый Виктор сам себе готовил,

а так как он ел немного, то проблем с этим не было. А когда хотелось чего-нибудь особенного, ходил обедать или ужинать в ресторан гостиницы «Советская», известном до революции как «Яр», находившийся неподалеку.

Как только Виктор зашел в свою студию, раздался телефонный звонок. Виктор быстрым рывком оказался у телефона, схватил трубку. Это была Зоя. Они договорились, что она придет позировать завтра, в воскресенье к двенадцати часам дня. Виктор не сразу положил трубку, а сидел какое-то время с ней в руке, в трубке уже были короткие гудки, которые он не слышал и лишь просидев так медленно приходя в себя, положил трубку на телефонный аппарат. Всю ночь Виктор не спал, проворочавшись с боку на бок, часто выходил на балкон и курил. Уснул он только под утро.

Проснувшись рано и как всегда приняв душ и побрившись, Виктор съездил на находящийся неподалеку Бутырский рынок, где купил цветы и фрукты. В студии стоял столик, на который Виктор поставил большую вазу полную фруктов, в ней были: мандарины и апельсины, красивые крупные яблоки, гроздья узбекского винограда, ярко-оранжевая хурма – все, что можно было купить на московском рынке зимой, в далеком 1970 году. Импортных фруктов тогда было немного, а бананы, вообще, были страшным дефицитом и за ними всегда стояли большие очереди. Но Виктор был на спецобслуживании, ему полагались особые продовольственные пайки и дефицитные товары, так что толкаться по очередям в полупустых магазинах ему не доводилось.

Виктор ждал, ждал ее, свою Музу Зою Бурмину, как ждут появления солнца после долгой полярной ночи. На больших старинных часах было 11.45 утра. Ровно в полдень, раздался звонок в студии. Виктор поспешил открыть дверь, на пороге стояла Она, его Фея, Муза, Мечта. Сердце предательски сжалось, в висках застучало, но он, конечно, сделает все, чтобы ничем не выдать себя, свои истинные чувства. Он художник и профессионал, и он будет работать, как и положено художнику и профессионалу со своей моделью.

Виктор широким жестом пригласил Зою войти в студию, затем помог ей снять пальто и провел в огромную светлую мастерскую, где было много развешанных по стенам полотен, некоторые незаконченные работы стояли прямо на полу, прислоненные к стене.

Виктор предложил выпить вместе кофе и пошел на небольшую кухню, отгороженную перегородкой, откуда доносился ни с чем несравнимый аромат настоящей советской Арабики. Кто жил в те времена поймет, что имеется ввиду. Сейчас трудно купить настоящую Арабику и цена на нее не сравнима с той ценой, по которой покупали кофе граждане СССР в период 70-х годов.

Пока Виктор хлопотал в кухонном отсеке за перегородкой, отделявшей его от мастерской, Зоя рассматривала картины на стенах студии. Одетая она была просто, но с большим вкусом, на ней было зеленое шерстяное платье, отделанное кантом из шотландки, которое ей когда-то сшила бабушка, Зоя лишь слегка расставила его и опустила подпушку. Платье подчеркивало ее тонкую талию и стройную фигуру. Густые каштановые волосы были собраны в «хвост», доходящий до пояса.

Виктор вернулся с подносом, на котором стояли тарелочки с бутербродами и свежей выпечкой, купленной в кулинарии Бутырского рынка и чашки с черным кофе, а также сахарница и сливочник со сливками. Виктор, поставив поднос на столик, предложил Зое присесть и сел рядом. Взглядом художника он всматривался в Зою, сидящую совсем близко. Безупречные пропорции лица, четкий контур высоких скул, нежный рот с красивыми белоснежными зубами, высокие длинные брови с приподнятыми к вискам уголками, как на старинных японских гравюрах. Но главным потрясением были глаза Зои, изумрудно-зеленые, под тенью густых, пушистых ресниц. Виктор был сражен ее потрясающей красотой и как художник, и как мужчина. Он вдруг ясно осознал, что с того дня, когда он впервые увидел Зою Бурмину, его жизнь четко разделилась на «до» и «после». Он еще плохо представлял кем станет для

него эта немногословная девушка из далекого сибирского края, но для себя решил, что должен стать для нее другом, опорой. Ну, а уж как дальше сложатся отношения, там будет видно.

Ему было больно видеть, как в середине ветреного и еще снежного февраля, Зоя была одета в легкое демисезонное пальто. О, с каким удовольствием он прямо сейчас повез бы ее в секцию №200 ГУМа, где ему, как депутату и заслуженному деятелю искусств, положено было приобретать дефицитные товары недоступные для простых смертных. Вспомнил о теплой норковой шубе Марии и других ее вещах, привезенных из заграницы и запертых в шкафу их арбатской квартиры, о драгоценностях, лежащих на сохранении в сейфе ломбарда. С каким бы наслаждением он бы бросил все это к ее ногам, даже не рассчитывая на благодарность, а тем более взаимность, о которой он и мечтать не мог.

– Я должен все сделать для этой девушки, ведь я по сути одинок и кроме стареющих родителей у меня на свете никого нет. – Лишь от одной мысли, что вдруг он когда-нибудь дождетя от нее проявления к нему пусть не любви, а просто симпатии и добрых слов, в душе Виктора зарождалась надежда. Но все же он прежде всего мастер, художник и должен держать себя в руках, ничем не выдавая собственных чувств, чтобы не спугнуть девушку.

Виктор показал Зое свою мастерскую, свои работы. Немногословная и сдержанная, она искренне интересовалась искусством. Виктор исподволь любовался на нее, на свежесть красок ее молодости.

Сеанс длился минут тридцать-сорок, чтобы не утомлять девушку. Когда он закончился, Виктор протянул Зое конверт с двадцатью пятью рублями. Стоит сказать, что по тем временам деньги немалые и очень, вся Зоина стипендия умещалась в сорок рублей в месяц. Зоя приняла конверт и даже не посмотрев в его содержимое, собралась уходить. Виктор не смел ее задерживать, но решил подвести ее к общежитию, сославшись на то, что им по дороге. Он не хотел, чтобы отогревшаяся Зоя опять мерзла под февральским ветром. Он подвез ее к общежитию и они договорились встретиться в следующее воскресенье в то же время. Как показалось Виктору, при прощании Зоя слегка улыбнулась ему в ответ. Его счастью не было дна, он сидел в машине пока Зоя не скрылась в здании общежития и только потом поехал в мастерскую, чтобы по еще неостывшей памяти писать, писать и писать ее, свою Музу.

Всю неделю Виктор ожидал воскресенья и встречи с Зоей, портрет был почти готов, осталось нанести последние штрихи и начать другой, затем третий... Он видел ее в разных образах, кроме «Ню», к этому Виктор готов не был, вернее, он и мечтать об этом не мог, боясь спугнуть свою Музу. Они еще слишком мало знали друг друга, Зоя не была профессиональной моделью и неизвестно как бы она отнеслась к такому предложению. Виктор не загадывал так далеко. Еще будучи студентом, он много писал обнаженной натуры, но как мастер еще ни разу.

И вот наступило долгожданное утро воскресенья. Погода за окном солнечная и так похожа на весну. Ну, а в душе у Виктора весна уже бушевала вовсю. Никогда он не чувствовал себя таким счастливым, в юности много работал, учился, рисовал днями напролет. Времени всегда не хватало, может поэтому и закурил, сейчас уже трудно вспомнить. Боролся со сном при помощи кофе и сигарет, вот и подсадил сердце. Своим первым учителем Виктор считал отца, преподавателя рисования и черчения в Вологжанской школе, скромного учителя, но прекрасно разбиравшегося в искусстве, истинно культурного человека. Когда Виктор обрел свой статус и даже славу выдающегося земляка, ему удалось помочь открыть художественную школу для талантливых детей родного города, директором которой стал его отец Василий Петрович. В свои приезды Виктор обязательно посещал школу, проводил уроки с обучающимися, дарил свои работы, привозил хорошие краски, кисти и раздаривал их ребятам, рассказывал в каких странах побывал, какова там природа и особенности пейзажа, показывал слайды, сделанные им в поездках. Из вологжанской художественной школы вышли талантливые выпускники, продолжившие обучение в Москве и Ленинграде, некоторые из них получали награды на конкурсах. Виктор всегда переживал, что у него нет ребенка, при жизни Марии он уже почти смирился

с этим, но после ее безвременного ухода надежда на продолжение рода вспыхнула с новой силой. Проблема была только в том, что жениться ради появления на свет потомства Виктору не хотелось, а встретить и полюбить, не получалось. А теперь, когда он встретил Зою... В своих мечтах он видел ее, их сына или дочь, их поездки к морю, путешествия по разным странам... Он даже сам от себя не ожидал, что имея почти полностью седую голову способен мечтать.

И вот, на часах 12.00, он уже стоит у двери и ждет. Вот и он, долгожданный звонок! Быстрым движением Виктор открыл дверь студии. На пороге она, каштановые волосы по плечам и глаза полные лучезарного света! Он приглашает войти, помогает снять пальто, а сам думает:

– Боже, до чего хороша! – Ему казалось, что с приходом Зои в окна мастерской заглядывало солнце.

Со временем у них выработался ритуал пить перед сеансом вкуснейший кофе, аромат которого заполнял огромную мастерскую и привносил в их встречи ощущение покоя и безмятежности. Зоя стала заметно более раскована и чаще одаривала маэстро своей нежной, чуть грустной улыбкой. Ей нравилось бывать у Виктора, слушать его, разговаривать с ним и вовсе не хотелось уходить сразу после сеансов. Впервые за много лет после смерти бабушки она почувствовала тепло домашнего очага. А он стал приглашать ее на выставки, в музеи, открывал ей Москву, давно ставшую ему родным городом. Виктор очень хотел, чтобы и Зоя узнала и полюбила этот город с его неповторимым русским характером, в отличии от Ленинграда – Петербурга, бывшей столицы Российской империи, где во всем угадывался европейский стиль и было так мало от русских городов.

Виктор нарисовал уже несколько портретов Зои и на каждом из них она была великолепна и обворожительна. Конечно, она совсем не соответствовала общепринятому типуажу того времени, она не была похожа на героинь труда и знатных колхозниц, которых он много писал, но на его полотнах Зоя всегда будет молода и прекрасна, он увековечил ее, свою Музу и позднюю Любовь свою.

Видя расположение Зои к себе, в душе Виктора продолжала жить надежда, что может когда-нибудь и у него будет счастье с Зоей, но он старался ничем не выдавать своих истинных чувств по отношению к ней. Он боялся спугнуть ее, боялся, что без его материальной поддержки в виде оплаты сеансов позирования, Зоя опять будет испытывать нужду, а этого допустить Виктор никак не мог.

Глава 6 Девушка с портрета

В один из солнечных весенних дней в мастерской Виктора раздался телефонный звонок. На другом конце провода на ломаном русском с заметным акцентом, выдающем в нем англичанина, говорил мужчина, представившийся Джоном Уинстоном, сыном друга Виктора, коллекционера и мецената, большого знатока живописи Сэмуэля Уинстона. С Сэмуэлем Уинстоном Виктор познакомился во время своей персональной выставки в Лондоне несколько лет назад. Сэр Уинстон купил у Виктора несколько картин для своей галереи и представил его известным лондонским галеристам. Они даже время от времени переписывались. Богатый аристократ Сэмуэль Уинстон, закончивший Кембридж и имевший степень в области архитектуры и искусств, живо интересовался современными полотнами соцреализма, ярким мастером которого являлся Виктор Раковский. Единственный сын и наследник сэра Сэмуэля Джон пошел по стопам отца и тоже закончил Кембридж по той же специальности – архитектура и искусствоведение. Но по настоянию отца Джон выбрал дипломатическую стезю и был принят на дипслужбу в Посольство Великобритании в Москве.

Договорились встретиться в мастерской Виктора на Масловке. В один из дней в студии художника раздался звонок в дверь. Виктор поспешил открыть, на пороге стоял молодой человек, это и был английский дипломат Джон Уинстон.

Ему на вид было лет двадцать пять-двадцать шесть, высокий худощавый блондин со светлыми серо-голубыми глазами. Одет был просто, но со вкусом. На нем был вельветовый пиджак песочного цвета, белоснежная рубашка с шейным платком, голубые джинсы, на ногах замшевые темно-коричневые туфли. Стиль, манеры, все в нем выдавало человека светского и высокообразованного. У Джона было письмо к Виктору от его отца, которое он передал в руки художника. Говорили на смешанном англо-русском языке. Виктор мог, конечно, объясняться по-английски, но знание языка оставляло желать лучшего, а Джон только начал изучать русский. Они посидели, выпили понемногу виски, которые принес Джон, затем Виктор стал показывать свои работы, среди которых Джон увидел портрет Зои и образ девушки глубоко запал ему в душу.

– Кто это? – спросил Джон, подойдя к портрету Зои.

– Она студентка, будущая актриса, учится в театральном институте. – ответил Виктор.

– Я хотел бы купить этот портрет. – обратился Джон к художнику.

– Он еще не закончен, – ответил Виктор, стараясь переключить внимание англичанина на другие свои работы.

– Мне бы очень хотелось увидеть оригинал, – не отрывая от портрета глаз, произнес Джон.

– Дело в том, что эта девушка, ее зовут Зоя, очень занята. Она сама назначает время для позирования. – слукавил Виктор.

Еще немного посидев, Джон ушел, но стал частенько заглядывать в мастерскую к Виктору, в надежде встретить там Зою.

С тех пор Джон потерял покой, образ незнакомки с портрета постоянно стоял перед глазами, лишил сна. Поборов свою английскую сдержанность и даже чопорность, он напрямую спросил у Виктора телефон или адрес Зои, а тот на ломанном английском попытался объяснить, что Зоя живет в общежитии, где нет телефона, а к институту ему, Джону лучше не подъезжать, общение с иностранцами может повредить репутации девушки. В душе Джон прекрасно понимал, что у него, как у иностранного подданного и дипломата много ограничений в СССР, но подвести девушку, а тем более быть неучтивым к ней, было не в его правилах. Он еще пока не знал как, но был уверен, что они обязательно встретятся и познакомятся.

Виктор все чаще ловил себя на мысли, что он ревнует и отчаянно не хочет, чтобы эти двое встретились. Единственное, что хоть как-то грело его душу был языковой барьер, ведь Джон почти не говорит по-русски, но для чувств язык не нужен, когда есть глаза, взгляды, прикосновения, наконец... Джон молод, хорош собой, настоящий английский джентльмен. А Зоя, его Муза и поздняя любовь его... она – настоящая леди. От Виктора не ускользнули и прекрасные манеры девушки, ее начитанность, умение вести себя в обществе, все это он заметил не только при личном общении, но и на их выходах в «свет», в театр, музеи и даже как-то раз в гостях у знакомых Виктора. И все же он не мог понять откуда у девушки из далекой Сибири такое воспитание, уж не из детдома, это точно. И вряд ли она успела набраться хороших манер так быстро в институте, очевидно, что это возвращено с молодых ногтей. Он покорен, пленен этой девушкой, ничего подобного не испытывал ни к одной женщине. Он всегда считал, что любил жену Марию и что ему несказанно повезло жениться на ней, но только теперь понял, что такое страсть, которую он испытывает к Зое. Что это? Кризис среднего возраста? Виктор не мог ответить на этот вопрос. Ясно только одно, он боготворит ее и желает так неистово, что сердце наполняется болью...

У Виктора возник новый замысел изобразить Зою на полотне в образе греческой нимфы. Он сам поехал в один из лучших магазинов Москвы, чтобы самолично выбрать шелк для хитона. Он купил большой отрез полупрозрачного белого крепдешина, которым намеревался окутать Зоино тело. Еще обучаясь в Суриковском художественном институте, они изучали одежду древних цивилизаций и Виктор прекрасно помнил, что для греческого хитона нужен всего лишь большой кусок ткани. Вернувшись в мастерскую, он развернул ткань и посмотрев на нее при дневном свете, провел рукой по мягкому, теплему шелку, которому предстояло прикоснуться к телу любимой и остро позавидовал этому куску материи, а он так и ни разу не коснулся ее...

Перед приходом Зои Виктор купил, вернее, заказал в оранжерее белые лилии, ему привезли их рано утром. Он видел Зою в белом хитоне с лилией в руке и этот образ не давал ему покоя. Сегодня он начнет писать ее новый портрет. Какое счастье, что у него есть этот дар – увековечить ее образ. Сколько бы времени не прошло, даже после их смерти, Зоя будет жить на его полотнах, поражая своей молодостью и красотой.

Она пришла с весенней улицы, принесла с собой солнечные блики на своих роскошных каштановых волосах. Виктор знал, что сегодня он осуществит свою мечту, он коснется ее волос, это желание не давало ему спокойно спать по ночам.

Он посвятил Зою заранее в свой замысел изобразить ее в образе нимфы или юной гречанки, они вдвоем рассматривали иллюстрации, обсуждали прически, которые носили молодые женщины Эллады. Зоя уже имела навык гримироваться и правильно носить одежду прошедших эпох, этому ее учили в институте, да и у самой Зои было от природы врожденное чувство стиля, ее познания и начитанность помогали ей в этом. Еще с бабушкой в раннем детстве они читали «Илиаду» Гомера, которая навсегда осталась у Зои в памяти, поэтому она не только поддержала идею Виктора, но и сама горячо захотела позировать ему в этом образе. Зоя знала, что хитоны гречанки надевали на голое тело, но густые складки ткани скрывали наготу, защищая от палящего солнца в летнюю жару и от ветра и холода в неласковую пору.

Мастерская Виктора представляла собой огромное помещение не менее семидесяти метров, с высокими потолками и антресолями, на которых хранились его работы. Окна были под самый потолок в высоту и во всю стену в ширину. Здесь Виктор не только работал, тут же стояла большая тахта, покрытая дагестанским ковром, на которой он спал и была лишь одна перегородка, отделяющая собой кухонный отсек, где на плитке Виктор мог что-то быстро приготовить для себя или для кого-то из навесивших его друзей и знакомых. Таким образом, пришедший попадал в студию прямо с порога.

Приемы, которые они устраивали при жизни Марии, проходили в их «официальной резиденции», огромной квартире на Арбате, в которой Виктор бывал нечасто, стараясь сохранить все как при покойной жене. Там все напоминало ему ту жизнь, что была у него до встречи с Зоей и следы которой он бережно хранил. После смерти жены его жизнь изменилась и встречи с друзьями он назначал, в основном, в своей мастерской на Масловке или в ресторанах. Виктор не был затворником, но тратить время на посиделки и пустой богемный треп не любил и всегда находил уловки, чтобы покинуть подобные компании, так как очень дорожил временем. А к себе он приглашал только проверенных людей. Не все понимали в этом Виктора, а его трезвый образ жизни многих представителей богемы настораживал. Были и такие, кто считал Виктора карьеристом, обласканным властью и лишь немногие, близкие к художнику знали и о его больном сердце, и о стремлении как можно больше работать.

В мастерской стояла большая старинная ширма из китайского зеленого шелка, за которой модель передевалась, там же стоял маленький столик, большое напольное зеркало на деревянной подставке и кушетка, для позирования, но Виктор уже и не помнил, когда это было в последний раз, разве несколько лет назад, когда он писал портрет балерины из Большого театра.

Зоя облачилась в хитон таким образом, что одно плечо оставалось открытым, ткань крепилась на большой старинной пряжке, открывая прекрасную длинную шею, плечи и стройные руки. Волосы она подняла наверх, как и положено античной богине. Виктор быстро сделал первый набросок, на котором Зоя стояла в полный рост, спиной к окну и через ткань проступали очертания ее стройной, точеной фигуры, она как бы парила в воздухе в белом хитоне, перехваченном тонким поясом под высокой грудью.

На втором эскизе, Зоя сидела с лилией в руке, положив руку на изголовье кресла, так что угадывалась линия бедра и была видна стройная нога, едва прикрытая тканью. Затем Виктор предложил сделать третий эскиз, в излюбленной эллинской позе – полулежа на боку. Он быстро выдвинул из-за ширмы кушетку, накрыл ее куском золотистой парчи и предложил Зое возлечь на нее. Зоя прекрасно понимала, чего от нее хочет художник и приняла заданную им позу. Виктор осмотрел ее со всех сторон, потом взял лилии из вазы и подойдя близко к Зое осыпал ее цветами. Она была так прекрасна, что лилии меркли рядом с ней. Виктор наклонился над Зоей, чтобы поправить прядь ее волос, он был так близко, что видел всю ее сквозь эту тонкую ткань. Она так взволновала его, что не в силах больше сдерживаться он резко отпрянул от нее, успев лишь почти простонать, что на сегодня все. Это был именно стон, вырвавшийся из его души, который напугал девушку, она подумала, что мастеру стала плохо. Одним движением, подобно легкому перышку, Зоя через мгновение оказалась рядом с Виктором и с тревогой заглядывая ему в глаза, произнесла:

– Что с вами? Вам плохо? Может вызвать врача? —

На что огромным усилием воли, взявший себя в руки Виктор, не глядя на Зою произнес, что все в порядке, беспокоится нечего и она может быть свободна.

Виктор пошел курить на балкон, плотно закрыв за собой дверь, чтобы сигаретный дым не проникал в мастерскую.

В этот самый момент в студии раздался дверной звонок и Зоя, чтобы не беспокоить Виктора, курящего на балконе, пошла открыть дверь.

На пороге стоял Джон Уинстон, а напротив него стояло неземное создание – Зоя Бурмина в образе нимфы, в белом полупрозрачном хитоне с белой лилией в волосах. Он ждал этой встречи, он знал, что обязательно дождется, но увидев ее воочию был настолько потрясен, что забыл все приветствия на русском языке, поэтому поздоровался по-английски, а она ответила ему на прекрасном английском. Их глаза встретились, его серо-голубые и ее изумрудно-зеленые. У обоих возникло щемящее чувство, которое никто из них не испытывал

ранее ни к одному живому существу человеческого рода, чувство, заполнившее их сердца и души с первого же взгляда, с первого мгновения.

Они стояли так некоторое время, не отрывая глаз друг от друга, пока к ним не подошел, вернувшийся с балкона Виктор. Цепкий взгляд художника и влюбленного мужчины уловил сразу все и не нужны были слова, чтобы описать то, что отражалось на лицах Джона и Зои.

Когда Зоя вышла из-за ширмы, уже одетая в платье и готовая попрощаться, чтобы уйти, Джон обратился к ней по-английски: – May I accompany you? – (могу ли я проводить Вас?) и получив согласие, они ушли вдвоем, распрощавшись с Виктором, который остался один в своей огромной мастерской где лишь картины и эскизы будут напоминать ему, что она здесь когда-то была, его Муза, поздняя несостоявшаяся любовь и мечта.

– И зачем сюда приехал этот англичанин, который увел ее. – Виктор осознал, что навсегда потерял свою надежду быть с Зоей. Она еще несколько раз приходила к нему, чтобы он закончил свои работы, но после сеанса позирования старалась побыстрее уйти, чувствовалось, что ее кто-то ждет. И это чувство не подвело Виктора, из другого окна студии, с видом на двор, он увидел машину Джона. Иномарки были редкостью в 70-е годы в СССР и всегда производили фурор на улицах города. Голубой Форд Джона был экзотикой даже во дворе их дома, где проживали знаменитости. У самого Виктора была новая светло-бежевая Волга, что считалось в СССР роскошью.

Да, в машине Джон и он ждет ее. Резкая боль отозвалась в сердце художника, он поспешил принять лекарство, но боль не проходила. Ночью скорая увезла его в больницу, где он пролежал около месяца с инфарктом.

Джон узнал о случившемся и сразу приехал в больницу, как только позволили врачи. Лежал Виктор в Кремлевке, под наблюдением своего друга академика Берсенева. Врачи предупредили Джона, что Виктору нельзя волноваться, нужны только положительные эмоции, поэтому Джон, посетивший его, поспешил поделиться радостью, он влюблен в Зою и очень надеется на взаимность. А пока он усиленно учит русский язык. Они много гуляют вместе и каждую свободную минуту стремятся увидеться. Он счастлив безмерно и хочет поделиться с ним своей радостью. В следующий раз они придут к нему вдвоем, а пока Зоя передает ему привет и пожелание скорейшего выздоровления.

Лежа на больничной кровати в отдельной комфортабельной палате, Виктор чувствовал себя одиноким, как никогда ранее. Если бы Джон знал, какой болью отзывалось каждое его слово в сердце Виктора.

Он поблагодарил Джона за визит и просил передать Зое, что с ним все в порядке и чтобы она не беспокоилась. А Джону в ответ на его счастливую улыбку ответил:

– Рад за вас. – затем закрыл глаза, после чего Джон встал, тихо вышел из больничной палаты и поехал на встречу с Зоей. У них выдалось немного свободного времени, они договорились встретиться и погулять по Москве.

Был конец светлого месяца мая, цвела сирень, недавно прошли официальные торжества года по поводу 25-летия Победы. Англия была одной из главных стран-победительниц. Джон ехал в машине по солнечной весенней Москве и думал:

– Как жаль, что после победного завершения 2-ой мировой войны международная обстановка сложилась таким образом, что почти сразу наступила эпоха «Железного занавеса» и «Холодной войны». Ему не хотелось думать о том, что ему не удастся жениться на Зое, что у их отношений нет будущего. Главное, они встретились, о другом думать сейчас не хотелось совсем.

Они любили гулять по весенней Москве и вдвоем открывать ее для себя. Отношения были возвышенно-платонические, он – истинно английский джентльмен из аристократической семьи, она из древнего дворянского рода, выращенная бабушкой-дворянкой, выпускницей Смольного. Сошлись их пути, пересеклись судьбы.

В один из ближайших дней они вдвоем посетили Виктора в больнице. Вошли в палату к нему – молодые, красивые, счастливые. Зоя редко улыбалась, а эта улыбка озаряла ее прекрасное лицо светом счастья. Виктор впервые увидел на лице Зои такую улыбку. А как они с Джоном смотрели друг на друга, как сидели рядом не разнимая рук... Уходя, Зоя оставила букетик ландышей на его прикроватной тумбочке, их тонкий аромат напоминал о ней, о том, что она была здесь и держала в своих руках этот маленький букетик. Виктор поднес цветы к своим губам, вдыхая их аромат.

Академик Берсенеv, наблюдавший его, как-то сказал:

– Друг мой, я – кардиолог и как кардиолог сделал что мог для твоего сердца и честно тебе скажу, что ты еще поживешь на этом свете, но и ты не подводи меня, ты должен хотеть жить. —

А Виктор грустил. Его, прострелянное инфарктом сердце, болело не столько от раны, нанесенной тяжелой болезнью, сколько о несостоявшемся счастье, о разбитой мечте. В свои тридцать восемь лет он чувствовал себя на краю жизни.

– Зачем мне жизнь, я одинок и буду одиноким, я это твердо знаю. – подобная мысль крепко засела в его голове.

Выписавшись из больницы, Виктор засобирався к родителям в город своего детства и юности Вологжанск.

Стоял июнь, лето было в зените, одаривая своим теплом. Поехал он ночным поездом и уже утром прибыл в Вологжанск. На перроне старинного вокзала его встречали родители, о своей болезни Виктор ничего не сообщил, чтобы не беспокоить их, им самим под семьдесят, но они вдвоем и поэтому держатся. Виктор обнял мать Елизавету Владимировну и отца Василия Петровича, которые пришли встретить сына, затем подошел водитель такси и помог отнести багаж, все сели в машину и поехали в квартиру Виктора и его родителей в доме, построенном для высокопоставленных и заслуженных людей города. Квартира была огромная, аж четыре комнаты с большими окнами, дающими много света. Виктор намеревался прожить все оставшееся лето в Вологжанске. Сам академик Берсенеv позвонил главврачу центральной вологжанской больницы и договорился, что Виктор будет под его неусыпным наблюдением и если что, то пусть ему звонят в любое время дня и ночи. С такой договоренностью Берсенеv отпустил Виктора домой к родителям.

Не зря говорят, что дома стены лечат, словно вернувшись в свое детство и юность, пообщавшись с родителями и давними друзьями, Виктор постепенно начал приходить в себя и снова захотел работать. Он выезжал на природу, бродил по лесу, делал наброски пейзажей и рисовал, рисовал...

В художественной школе, где его отец по-прежнему директорствовал, были летние каникулы и в городе Виктор встречал ребят с мольбертами на этюдах, здоровался, интересовался, давал советы. Виктор с удовольствием бы остался здесь жить, но его общественные обязанности не позволяли ему надолго отлучаться из Москвы, а в сентябре у него персональная выставка за границей и он пробудет там не меньше месяца. Затем осенью-зимой в Москве планируется много мероприятий, на которых он просто обязан присутствовать.

– Может быть, когда-то я снова вернусь сюда и буду жить до конца своих дней. – думал Виктор, – Здесь я чувствую себя прежним и мне хочется работать. —

Глава 7 Для любви нет преград

В середине августа Виктор вернулся в Москву, по которой успел соскучиться. Он ясно осознавал, что уже не может жить без этого города, без своей мастерской на Масловке. Открыв ключом студию, он вновь почувствовал себя прежним, именитым художником, обласканным наградами и почестями, но также обремененным обязанностями общественным деятелем, о чем ему напомнили многочисленные звонки по телефону. Звонили друзья, коллеги интересовались здоровьем, а заодно и напоминали о делах. Пора депутату и члену правления Союза художников СССР именитому Виктору Раковскому снова вливаться в общественную жизнь страны.

Перед отъездом в Вологжанск Виктор убрал все портреты Зои на антресоли, чтобы страсть вновь не вспыхнула в его израненном сердце, но войдя в студию, недолго боролся с искушением, он соскучился, он хочет видеть ее...

Виктор поднялся по лестнице, ведущей на антресоли, подошел к стоящим на столике портретам, закрытым полотном, снял ткань... ему и в самом деле показалось, что вокруг стало светлее, на портрете Зоя была как живая. Он сам себе удивился, как ему удалось передать блеск ее глаз, загадочную полуулыбку, изгиб шеи, золото волос... Любовь и боль вновь ожили в его истерзанном сердце.

Звонил Джон, интересовался его здоровьем и узнав, что Виктор собрался в турне с персональной выставкой во Францию, попросил о встрече. Они договорились встретиться в студии перед отъездом Виктора в Париж.

Джон приехал к нему в студию, как они и условились, на следующий день. Впервые Виктор увидел на лице Джона печать озабоченности, ведь джентльмену, дипломату аристократического происхождения не пристало показывать свои истинные чувства на людях.

– Что с тобой? – поинтересовался Виктор, – Может что-то с Зоей? – Этим вопросом он вывел Джона из глубоких раздумий.

– Нет, у Зои все нормально, в институте тоже... – Затем после небольшой паузы Джон, глядя куда-то в сторону произнес:

– Виктор, ты единственный кто есть у меня в Москве, с кем я могу поговорить как с другом, а я тебя считаю своим другом и очень бы хотел и для тебя им стать... Я люблю Зою, я жить без нее не могу, больше всего на свете хочу жениться на ней и увести ее в Англию. Постоянно думаю, как это можно сделать, я ведь знаю, что браки с иностранцами в СССР запрещены. Она тоже любит меня, но у нас нет шансов обрести друг друга и официально вступить в брак. Джон обхватил свою голову руками и так сидел, опершись на стол, а Виктор уже прекрасно его понял. Он подошел, сел рядом и не глядя на Джона сказал:

– Я верю тебе, Джон. Я хочу счастья Зое и тебе. Завтра я уезжаю на месяц, я оставлю тебе ключи от студии, ты ведь за этим приехал? – Джон еще ниже отпустил голову.

Виктор встал, подошел к столу, вынул из ящика дубликаты ключей и отдал их Джону. Тот молча обнял его, а затем быстро ушел.

На следующий день рано утром Виктор улетел во Францию. Началась его работа, как представителя советского искусства за рубежом: интервью газетам, телевидению, поездки по стране, встречи с деятелями искусства Франции, а также со студентами Сорбонны. Виктор практически не имел свободного времени, что помогало ему как-то отвлечься от печальных мыслей о Зое.

Зоя и Джон встречались уже пятый месяц. И даже за это непродолжительное время они стали по-настоящему родными людьми друг для друга. Влюбленным не нужно много времени, особенно молодым. Они обрели друг друга, заполнив одиночество вокруг себя, которое было у обоих с самого раннего детства. У Джона рано умерла мать, отец был вечно занят бизне-

сом и идеей восстановления родового замка, а это требовало огромных материальных средств и времени. Сына сэра Сэмуэль отдал на воспитание в частную школу-пансион, где Джон пробыл до поступления в Кембридж на факультет архитектуры и искусствоведения. Прекрасно воспитанный и образованный молодой человек, лишенный с детства тепла семейного очага, приезжая домой на каникулы, он терялся в огромном родовом замке и это чувство потерянности и одиночества сблизило их с Зоей, которая тоже рано потеряла родителей, а потом и бабушку, единственного ей родного человека. За всю свою жизнь Зоя не помнила ни родительских поцелуев, ни объятий. Повзрослев, она поняла, что это было обусловлено болезнью отца, а потом и матери, их страхом заразить дочь туберкулезом. Бабушка, в силу воспитания и строгости нрава, – чертам, помогавшим ей выживать в суровые времена, никогда не ласкала внучку, поэтому то, что давал ей Джон; его тепло, прикосновения, нежные объятия и поцелуи – все было для нее впервые. И она оттаяла с ним всем сердцем и душой. Им было интересно говорить буквально обо всем: о истории их стран, он рассказывал об Англии, а Зоя о России, они говорили о Пушкине, Островском, Шекспире, Бернсе, Байроне... Вместе они открывали для себя Москву и обретали свои островки счастья в этом большом шумном городе. Их излюбленным местом стал высокий берег Москва-реки, еще не закованный в бетонные латы. Они поднимались на самый верх где росли кусты сирени, Джон стелил захваченный из машины плед, ставил рядом плетеную дорожную корзину для пикника с вкусной едой, купленной им в магазине для дипломатических работников. Они лежали, взявшись за руки и смотрели на чистое голубое небо над ними и над Москвой, городом приютившим их, ответившим им взаимностью.

Но вместе с любовью появился и страх потерять друг друга навсегда, ведь Джон – дипломат, его пребывание в СССР временное и может в любой момент прерваться и она опять останется одна, одна за «железным занавесом». Джон сам это понимал лучше Зои. Все чаще влюбленных охватывало отчаяние, которое делало их только ближе друг к другу. Зоя сразу предупредила Джона, чтобы он не приезжал ни к институту, ни к общежитию, так как это сразу станет известно всем, пойдут слухи, сплетни, распросы.

В посольстве Великобритании, конечно, знали, что их служащий встречается с русской студенткой, но это не ставилось в вину Джону, он даже как-то пригласил Зою в посольство, познакомил с сотрудниками и все нашли ее очаровательной молодой леди с прекрасными манерами и великолепным английским. Джон был горд и счастлив, он мечтал представить Зою отцу, как свою невесту и будущую жену. Он сам сделал Зое предложение обвенчаться в России по православному обряду, но их брак все равно не был бы признан, да и найти священника, согласного повенчать их не удалось.

Зоя, видя, как страдает ее возлюбленный, как пытается найти выход из этого замкнутого круга, решила стать его нареченной женой без официального брака. И она сказала ему «Да», что в дремучие 70-е в СССР, было очень смелым поступком, за связь с иностранцем можно было пойти и по статье.

А Джону было еще труднее решиться на подобный шаг. Он, как истинный джентльмен, осознавал всю ответственность перед Зоей, не располагая полной свободой на территории СССР, он ничего не мог ей гарантировать, защитить ее и это угнетало его.

– Я люблю ее больше всего на свете и уверен, чего бы в наших жизнях не произошло, я буду верен ей одной всю жизнь. – Эта мысль постепенно переросла в его твердое решение, в себе он не сомневался ни на минуту.

В Москве в англиканском Соборе св. Андрея в то время находилась известная на всю страну студия грамзаписи «Мелодия», из которой она выехала только после визита Елизаветы Второй в 1994 году. И они решили пойти вдвоем в православный храм, где дадут друг другу клятву в любви и верности перед старинными иконами, таким образом сами «обвенчаются» в церкви. Ради Зои Джон не раздумывая принял бы православие, а она так же не раздумывая,

ради него была согласна оставить свои мечты о сцене и карьере актрисы, чтобы уехать с ним в Англию.

Было начало осени, светлый, теплый день – 7 сентября 1970 года, с которого и начался отсчет их новой жизни, соединившей судьбы Джона и Зои. Вопреки всем и всему они должны быть счастливы, они сами осознанно выбрали это.

Войдя в Богоявленский Собор, или как его называют в народе, Елоховский, они подошли к Царским Вратам, за которыми находится Алтарь и взявшись за руки, произнесли молитву «Отче Наш» на русском и английском языках и глядя в глаза друг другу, поклялись в любви и верности. Джон достал купленные кольца, взял правую руку Зои и надел на ее безымянный палец обручальное кольцо, затем Зоя надела кольцо на палец Джона и они перед иконами поцеловали друг друга.

Окружающие их люди, недоуменно смотрели на них, но они не замечали этого, для них никого не существовало на свете, кроме них самих.

Выйдя из церкви, они поехали в студию на Масловку. Накануне Джон созвонился с домработницей, которая приходила убираться к Виктору и иногда готовила ему. Джон распорядился, чтобы она убралась, а обед и ужин им доставили из ресторана гостиницы «Советская», у Виктора был там знакомый администратор, который помогал в случаях, когда нужно было накрыть стол.

Для Зои было приятной неожиданностью, когда она вошла и увидела уже знакомую студию всю в цветах. Окна были убраны великолепным тюлем, на полу был большой теплый ковер. Здесь они проведут свою первую брачную ночь и Зоя шагнула вперед, навстречу своей судьбе. Страх не было, здесь в студии они чувствовали себя в безопасности, как на необитаемом острове посреди враждебного океана.

Зоя переоделась в тот самый шелковый белый хитон, в котором позировала Виктору, она была и в самом деле похожа на нимфу, сошедшую с картины. У них было впереди два дня, Джону удалось взять этот кратковременный отпуск в посольстве, он попросил коллегу подменить его, конечно, это было не совсем по правилам, но... даже у англичан бывают иногда отступления от правил.

Они сидели вдвоем за большим дубовым столом, покрытым белой льняной скатертью и уставленными на ней блюдами, напитками и, конечно, цветами Эта их свадьба, их самый долгожданный день, Бог этому свидетель и главный помощник.

После ночи всегда наступает утро, в этом уверены все, особенно молодые и счастливые люди. Их утро, оно наступило... Зоя проснулась первая, а Джон еще спал, его белокурые волосы упали ему на лоб, он был похож на мальчишку, когда спал. Одеяло не полностью прикрывало его обнаженное тело и Зое были видны его широкие плечи и спина. Руки у него сильные, привыкшие к управлению гоночной яхтой, излюбленному виду спорта англичан, все они моряки, жители островного государства. Глаза Зои продолжили свое путешествие по Джону, пока он спит..., ее взору открылись бедро и крепкая, сильная мужская нога. Сердце Зои сжалось от любви к этому молодому мужчине, отныне ее мужу, чему свидетель сам Господь и ночь, которую он даровал им. Зоя тихонько приблизилась к спящему Джону и положила ему на грудь свою голову, ей было слышно, как бьется его сердце. А он обнял ее и улыбнулся во сне.

– И что тебе снится, мой английский мальчик... – она смотрела на него с нежностью. Джон был старше Зои почти на девять лет, но внешне это было незаметно, при его стройной и даже юношеской фигуре, со светлыми волосами и голубыми глазами он выглядел моложе своих двадцати семи лет.

Зоя потихоньку встала и пошла в душ, который, как и туалет находился вне студии, в коридоре за входной дверью. Это было неудобство, напомнившее ей общежитие. Она приняла душ, привела себя в порядок, а когда вернулась, увидела, что Джон проснулся и в недоумении смотрит по сторонам, а увидев ее, улыбнулся и сказал:

– Я испугался, что ты ушла... и как я мог допустить, что ты проснулась первая... Теперь знай, что у меня крупный и чисто мужской недостаток... я люблю поспать по утрам и с трудом просыпаюсь. О, как ты хороша! – он притянул ее к себе. – Сейчас и я умоюсь, и вернусь к тебе, любовь моя! – с этими словами он скинул с себя одеяло и обнаженный, как молодой античный Бог, быстро накинув халат, пошел в душевую.

Зоя сварила кофе, они отведали его и опять вернулись в постель, в которой провели весь день, а что еще делать молодоженам... и никто не хотел думать о том, что завтра Джону нужно быть на службе в посольстве, а Зое в институте. И почему так устроена жизнь, что любви всегда кто-то или что-то мешает. Но сегодня их день, на больших студийных часах всего лишь двенадцать дня, целый день и ночь еще впереди, время их любви и опьянения друг другом.

Глава 8 Утро влюбленных

Вот и наступил следующий день, а с ним и повседневные хлопоты. Кольцо с руки Зоя решила не снимать, а на все расспросы Зины ничего не отвечала, сделала вид, что не слышит ее. Зинку это реально выводило из себя:

– Все отмалчиваешься... смотри, а то получится, как у Таньки... —

– А что тебе известно про Таню? – Зоя посмотрела прямо в Зинкины глаза, напоминавшие ягоды зеленого крыжовника в рыжих ресницах.

– Как что? А с чего ей было из института документы забирать? Тоже все молчком, молчком... и домолчалась. – Зинка шмыгнула веснушчатым носом. – Эх, хорошо вам красивым... а на меня никто и не смотрит. —

Вернувшись с занятий в общежитие, Зоя подошла к дежурной на проходной тете Клаве и потупив глаза сказала, что иногда она будет ночевать у родственников и чтобы по этому поводу не волновались и не разыскивали ее.

Бывалая вахтерша тетя Клава понимающе посмотрела на Зою и ничего не сказала. Связь с Джоном была зыбкая, даже странно, как раньше люди могли обходиться без мобильных телефонов... В посольство Зоя не звонила, она знала, что только в экстренном случае воспользуется служебным телефоном Джона, а он, в свою очередь, боясь навредить ей, не мог подъехать за ней к институту, чтобы не привлечь к себе внимание. А времени до возвращения Виктора оставалось все меньше, оно сжималось, подобно шагреновой коже, дорог был каждый день.

И все же любви море по колено, а влюбленным тем более. В один из вечеров, подъехав к зданию общежития, Джон обратился к девушке, идущей ко входу, с просьбой передать конверт с запиской Зое Бурминой. Минут через десять из общежития вышла Зоя, но Джон все же заметил, как на втором этаже где она проживала, стояли любопытствующие студентки и смотрели на них из окон. А он, поцеловав ее и взяв за руку, повел к машине, в которой на заднем сидении были какие-то свертки, коробки и пакеты. Зоя села впереди рядом с Джоном.

Войдя в студию, они сразу почти с порога бросились в объятия друг друга, ведь они не виделись несколько дней и ужасно соскучились. Джону удалось договориться с начальством, что в течении месяца у него будет особый график работы, с длинными выходными, что позволяло ему больше проводить времени вместе с Зоей.

Уснули они только под утро, хорошо, что было воскресенье и никуда не нужно было идти.

Утро влюбленных и свободных... это их время и это их счастье, которое тянется подобно меду, золотисто-янтарной тягучей нитью...

В этот раз Джон решил сам похозяйствовать... Он достал из пакетов много вкусной еды и они устроили настоящий пир с шампанским и другими деликатесами, купленными Джоном в специальном магазине для иностранцев, проживающих в Москве.

Затем он разложил перед Зоей какие-то свертки и коробки. Она спросила:

– Что это? —

А он, улыбаясь, сказал, что это для миссис Уинстон, для нее. Зоя стала распаковывать свертки с коробками и ее глазам предстали наряды для настоящей леди: от натуральной норковой шубки до белья и обуви, а также элитной косметики. Джон обладал достаточными средствами, чтобы все это преподнести своей любимой женщине, помимо жалования ему досталось наследство от матери.

Джон, счастливо улыбаясь, смотрел на Зою. Ведь она теперь его жена и должна иметь все, как и положено его жене: питаться, одеваться, жить в комфорте, как и он. Раньше на все попытки Джона подарить Зое что-то из драгоценностей или дорогих фирменных вещей, она отвечала решительным отказом, но теперь, после того, как они признали друг друга мужем и женой... Зоя была в растерянности, в таких вещах она не могла прийти на занятия в институт

или в общежитие. О ней и так уже ходят сплетни. Нет, Зоя не боялась сплетен, просто не хотела привлекать к себе внимание. И она, покачав головой, прямо сказала ему об этом.

– Это твои вещи, ты можешь делать с ними, что хочешь. – ответил обескураженный Джон.

– Понимаешь, это очень дорогие вещи, мне их даже и хранить негде. – отвечала Зоя.

Она вдруг вспомнила, как когда-то в детстве у нее украли с веревок постиранные ею платица, пошитые бабушкой. Ей не хотелось, чтобы подобное произошло и в их общежитии, не хотелось лишней раз привлекать к себе внимание.

– Я узнавал, что в Москве квартиру снять почти невозможно, даже если кто-то и сдаст нам, как тут же соседи сообщат милиции... – Джон был явно расстроен, что им негде жить и встречаться с Зоей. Кругом какие-то препятствия. И опять поползли тоскливые мысли о невозможности быть вместе... они подобно ржавчине разъедают сознание, но тем сильнее их тянет друг к другу. Сам Джон проживал на территории посольства, что не позволяло им там встречаться и тем более жить.

А им хотелось, как можно больше знать друг о друге... с Джоном Зоя раскрылась, рассказала историю своей семьи, о своей бабушке, благодаря которой она знает иностранные языки, а он, в свою очередь, рассказывал историю его семьи. Он тоже рано потерял мать и рос в пансионе с шести лет, тоже как и Зоя был лишен родительской ласки.

У Джона, получившего блестящее образование, был талант о котором Зоя не знала. Джон прекрасно рисовал, просто умалчивал об этом перед таким метром, как Виктор. Ему было как-то неловко признаться, что он тоже рисует. Он просил Виктора продать ему Зоин портрет, но тот все тянул, а в результате отказался продавать, поэтому Джон сам решил попросить Зою позировать ему. Где-то далеко в подсознании его не покидала мысль, что если они расстанутся с Зоей, то останутся рисунки и портреты с ее образом и это еще более усиливало желание рисовать ее.

Зоя с радостью согласилась позировать любимому. И вот однажды воскресным утром, когда она еще спала, Джон сделал набросок ее спящей. Рисовал Джон профессионально быстрыми, четкими линиями, он ведь закончил Кембридж по специальности архитектура и искусствоведение и все студенческие годы, да и после окончания университета постоянно рисовал. Он привез свои краски из Англии и рисовал виды Москвы, часто из окон посольства, выходящих на набережную Москвы-реки, прямо напротив Кремля.

Зоя была прекрасна спящей, нежный цвет лица, тень от длинных темных ресниц, разметавшиеся по подушке густые каштановые пряди волос. Джон работал быстро, но вдруг Зоя во сне повернулась и откинув одеяло, обнажила нежную девичью грудь, все это Джон быстрыми, уверенными штрихами успел нанести на эскиз. Ему захотелось сделать серию портретов Зои, было важно уловить момент и он воспользовался этим. Он осторожно подошел и слегка приподняв одеяло, открыл ее божественное тело и сделал еще один быстрый эскиз из его будущей серии «Спящая». Это было его секретом... подарком самому себе, возможностью увековечить свою жену, такую юную и прекрасную. Любящий поспать по утрам, он тихонько вставал пораньше и рисовал спящую Зою, ему хотелось сделать сюрприз и ей... Когда портреты были готовы, он показал их Зое, сказав при этом:

– Любовь моя, мне бы хотелось изобразить тебя и с открытыми глазами... Ты согласна позировать мне? – Зоя утвердительно кивнула головой.

С этих пор, когда у них выдавалось свободное время он рисовал ее. Грехом было бы не запечатлеть ее восхитительную фигуру, дарованную ей природой и Богом. Она была само совершенство, как в жизни, так и на полотне. Портреты, написанные масляными красками, Джон оставил в мастерской, чтобы они успели просохнуть и потом забрать их до приезда Виктора.

А до его приезда оставалось всего несколько дней. В глубине души Джон уже догадался, что Виктор тайно влюблен в Зою и решил больше никогда не встречаться с ней в его студии, чтобы не причинять другу страдания и боль.

Вернувшись из своего турне по Франции, первое, о чем подумал Виктор, едва переступил порог своей студии:

– Она была здесь с Джоном, вот ковер, по которому они ходили, тахта на которой они занимались любовью, повсюду их следы, а я здесь лишний... Острое чувство одиночества и потерянной надежды на любовь возникло в нем с новой силой.

Взгляд Виктора упал на холсты, стоящие в углу комнаты, он сразу заметил их, – холсты чужие, не его. Виктор подошел ближе и увидел Зою, изображенную Джоном, всю Зою, во всей ослепительной нагой красоте; ее каштановые волосы, рассыпанные по плечам, к которым он так и не прикоснулся. Как художник Виктор не мог не признать, что Джон профессионально рисует. Ему удалось передать и свет, и тени, и настроение, а главное любовь, которая была видна под каждым мазком кисти.

Не смотря на усталость после дороги, Виктор вышел из студии, запер дверь на ключ и уехал на дачу в Переделкино. Он впервые почувствовал себя чужим в стенах своей студии. Здесь теперь не его мир. Это мир Зои и Джона, а он здесь лишний.

А Зоя вернулась к себе в общежитие и потекли ее студенческие будни. На уроках Зоя была несколько рассеяна, чего не мог не заметить ее преподаватель Григорий Степанович Донецкий. Он подошел к ней после занятий и внимательно посмотрев ей в глаза, произнес:

– Зоя Бурмина, Вы сегодня были крайне невнимательны, я не доволен. И если Вы серьезно решили стать актрисой, первым делом научитесь оставлять свои личные проблемы дома, а в институте, а потом и в театре, Вы должны позабыть о них и становиться другой личностью, пусть и на время. Иначе ничего не получится и мы только зря теряем с Вами время. Искусство перевоплощения – это основной стержень, на котором все держится! —

Зое стало по-настоящему стыдно, ведь прав ее учитель, она все занятия думала о них с Джоном. Зато Зинка Тутырина выкладывалась по полной, вся группа ухахатывалась, глядя на нее. Даже грозный взгляд Григория Степановича не мог остановить смеющихся студентов и ему пришлось сделать паузу, выждать, чтобы все насмеялись вволю, затем, когда все успокоились и воцарилась тишина, старый учитель зааплодировал и не кому-нибудь, а Зине Тутыриной. Раскрасневшаяся Зинка чувствовала себя на седьмом небе: – Ей первой и единственной аплодировал и не кто-нибудь, а сам Григорий Степанович! А вот и ребята присоединились к нему... все аплодируют ей, Зинке! Нет, она станет великой артисткой и ее узнает весь мир! Никаких сомнений нет в этом, она уверена в своем успехе! —

А у Джона на службе состоялся не совсем приятный разговор с его руководителем. Дело касалось их далеко зашедших, как стало казаться начальству, отношений с Зоей. Джону пришлось ответить на ряд неприятных вопросов личного характера и он открыто признал Зою Бурмину своей женой, хотя их брак официально не зарегистрирован. Джон хоть и был в самом начале своей карьеры на дипломатическом поприще, но не настолько неосведомленным, чтобы не понимать, что следующего разговора может и не быть, его просто отошлют в любую другую страну, где не будет Зои. И он напрямую обратился к консулу за разрешением заключить брак в посольстве, чтобы увезти Зою в Англию уже как свою жену. Он, конечно, знал, что у СССР нет соглашения с Великобританией на подобные браки, но решил пойти Ва-Банк, опережая ход событий. Разрешения он не получил, но как ни странно его оставили в покое, видимо, преднамеренно закрыли глаза на романтические отношения их сотрудника. Тем более студентка театрального ВУЗа Зоя никак не попадала в списки лиц, с которыми было нежелательно контактировать Джону, как дипломату и подданному Соединенного Королевства.

Так незаметно вслед за осенью наступила зима. Декабрь темный и самый таинственный месяц в году и все же именно в декабре рождается сказка о том, что в наступающем Новом

году грядут перемены и все будет хорошо. Особенно, когда вы молоды и влюблены. Зоя и Джон через подставных «друзей» встречались в номере гостиницы «Метрополь», другого выхода у них не было. Их отношения все больше приобретали горькие нотки отчаяния и обреченности. И каждый раз, прощаясь и говоря друг другу «До свидания», они про себя думали: – А будет ли у них еще эта встреча? —

Поняв, что Виктор безнадежно влюблен в Зою и стараясь не делать ему больно, Джон все реже звонил и перестал встречаться с ним в его студии, но ему надо было забрать хранящиеся там портреты Зои, им написанные. Джон не раз пожалел, что не сумел их забрать до приезда Виктора из Франции, но так вышло, что он получил срочное задание по службе и не смог приехать в студию за портретами.

Предварительно позвонив и договорившись накануне о встрече, Джон приехал в студию Виктора в свой ближайший выходной и, конечно, один без Зои. Они обнялись, немного посидели чисто символически за рюмкой коньяку, т. к. Джону был за рулем автомобиля.

Виктор рассказал ему о своей выставке в Париже, которая прошла с успехом, вспомнили общих друзей. Джону было непросто начать этот разговор, но все же он решился:

– Спасибо, тебе Виктор, ты столько сделал для нас с Зоей хорошего, я никогда не забуду этого и как бы судьбы наши не сложились, помни, что у тебя есть друг в Англии. Я опробовал разные пути, писал консулу о разрешении на брак в посольстве, но получил отказ. Только один Бог свидетель, да и ты, Виктор, что я считаю Зою своей женой, а она меня своим мужем. Мы поклялись в верности друг другу в православном храме. Я свою клятву не нарушу, а вот Зоя в праве распорядиться своей судьбой, она слишком молода, а я хочу для нее только счастья. Я очень тебя прошу, чтобы ни случилось, не оставь Зою одну, кроме тебя у нее нет никого на всем белом свете, а меня могут в любой момент перевести в другую страну, но даже уйдя со службы, я не смогу жениться на ней и увезти ее в Англию. Пока, во всяком случае. Но при первой же возможности я сделаю все, чтобы нам быть вместе.

Виктор посмотрел на Джона и хотя в его взгляде все было ясно без слов, произнес:

– Пока я жив, обещаю заботиться о Зое, да и после смерти я не оставлю ее один на один с превратностями судьбы. Ты знаешь, у меня больное сердце, кто знает сколько мне осталось. Все, что имею я завещаю Зое, она будет материально обеспечена, не сомневайся. Если от меня будет что-то зависеть, помни, я всегда помогу. – Они обнялись и с этими словами расстались, как оказалось навсегда.

Глава 9 В западне

Лейтенант КГБ Станислав Зимин сидел в своем кабинете на Лубянской площади, уныло перебирая донесения сотрудников или попросту «стукачей», которых было пруд пруди среди студентов и преподавателей ВУЗов Москвы. Стас брезгливо брал в руки доносы и скользил по ним глазами. Сделанные словно под копирку, от них явно отдавало душком зависти, корысти и плохо скрытых интриг по сведению личных счетов.

Из нового: поступила информация на студентку 2-го курса ГИТИСа Изольду Бурмину, вступившую в интимную связь с иностранным дипломатом и подданным Великобритании Джоном Уинстоном. В донесении указывалось, что Изольда или как все ее называют, Зоя Бурмина встречается с Джоном Уинстоном с конца весны 1970 года, встречи происходили в общественных местах и на улицах Москвы, а также в студии известного художника Виктора Раковского. Начиная с осени, пара встречается в гостинице «Метрополь», в снятых на третьих лиц номерах. Встречи носят интимный характер, имеется видеосъемка, доказывающая, что Бурмина и Уинстон состоят в любовной связи. Донесения сексотов подтверждаются показаниями вахтенных дежурных Дома художников на В. Масловке и общежития ГИТИСа, где проживает студентка 2-го курса И. Бурмина. К доносам и показаниям были приложены фотографии Зои и Джона по отдельности и вместе во время их прогулок по Москве. Стас внимательно рассматривал эти фотографии, конечно, на это дело можно посмотреть под разными углами, за связь с иностранцем можно упечь девушку по статье, но какой интерес может вызвать у иностранной разведки восемнадцатилетняя студентка театрального ВУЗа, сирота из детдома... Значит любовь? Она редкая красавица, это видно даже по черно-белой и сильно увеличенной фотографии, переснятой с ее студенческого билета.

На ответственную работу в органы госбезопасности Стаса направили по рекомендации райкома комсомола после окончания юридического института. Может сыграло роль, что отец Стаса служил в органах и после войны отлавливал «лесных братьев» в Эстонии, где во время одной из операций был убит. Стас хоть и не был идейным комсомольцем, но предложение служить принял и уже третий год находился на службе в КГБ. Его основным контингентом была молодежь, студенты московских ВУЗов. Напрямую ему вербовать в стукачи не приходилось, эту грязную работу делали другие, рангом пониже, часто из самой студенческой среды, они же в основном регулярно и писали доносы или отчеты, ну а дальше все шло через Стаса наверх, в разработку. Не о такой карьере мечтал лейтенант Стас Зимин, в его представлении он должен был ловить шпионов, участвовать в спец. операциях, как его отец, а он сидит и перебирает пасквили интриганов и завистников, после которых хочется пойти и вымыть руки. Вот его напарнику лейтенанту Семену Шарко такая работа очень по душе, от нечего делать он сам придумывает версии, причины и мотивы по этим делам, а фантазия у него бурная. Сам не зная почему, но Стас решил убрать подальше дело Зои Бурминой, ему не хотелось, чтобы оно попало на глаза Семену. Именно в этот момент открылась дверь и в кабинет ввалился сам Семен, крупный, медведеподобный увалень двадцати пяти лет.

Родом Семен Шарко был с Кубани, где начал свою трудовую деятельность трактористом в колхозном МТС, после окончания восьми классов деревенской школы. Затем колхозным сходом было решено направить Семена учиться в Москву, в институт Кооперации. Для этого ему выдали аттестат, во многом благодаря усилиям матери Семена, которая работала в колхозном правлении и по слухам была любовницей председателя колхоза, всемогущего Героя Соцтруда Василия Хромченко. Вот, благодаря такому раскладу, Семен и получил свое высшее образование и остался в Москве. Жил Семен в общежитии органов правопорядка, но твердо веря в свою счастливую звезду, знал, что все у него впереди: и карьера, и деньги, и квартира. «Стучать» Семен начал еще учась в институте, и нюх на потенциальных стукачей у него был

профессиональный. Сам он обладал поистине бульдожьей хваткой, умел играть на слабостях и противоречиях других, что позволяло ему ловко шантажировать и загонять в угол если вдруг завербованный им «агент» по каким-то причинам переставал выполнять поставленные перед ним задачи. Короче, несмотря на некий примитивизм и кажущуюся недалекость, Семен Шарко был, что называется, на своем месте.

Ввалиясь с мороза в небольшой кабинет, который они делили на двоих с Зиминим, Семен, казалось, заполнил собой все пространство.

– Видел? – спросил он снимая шапку и полушубок.

– Что? – переспросил Зимин, бросив взгляд на раскрасневшегося после мороза Шарко.

– Новое дело пришло на Бурмину из театрального. Встречается с дипломатом из английского посольства, неким Джоном Уинстоном. Я их с весны взял на прицел, а сейчас и улики против них есть, пленочка из гостиницы «Метрополь» поступила. Пленочка интимного характера, пора браться за птичку серьезно, артистка понимаешь... вот пусть и играет по нашим правилам, на благо Родины. —

– А может у них любовь, просто встретились и полюбили друг друга? – Зимин внимательно посмотрел на Шарко.

– Вот и хорошо, – отвечал Шарко, – вот пусть себе и любит, но с пользой для Родины. – парировал он.

– Это как? – не унимался Зимин.

– Как, как? Ты чего не знаешь как? Пригласим ее сюда, познакомимся поближе, побеседуем о жизни, об ответственности и моральном облике советской студентки и о ее посильном вкладе в дело безопасности страны, короче завербуем ее. А уж раз этот англичанин так влюблен в нее, пусть помогает своей возлюбленной добывать интересующую нас информацию. Девчонка крышесносная скажу тебе, я бы и сам от такой не отказался. Давай чайку попьем и пойдем пленочку метрополевскую смотреть, я копию себе заказал, для ознакомления. Наша пташка наконец попалась. —

– Ты думаешь, она согласится сотрудничать с нами? – поинтересовался Зимин.

– А куда ей деваться, пленка у нас, она же не захочет огласки, разбирательства в комитете комсомола, отчисления из института. Она сирота, у нее никого и ничего, детдомовка. – Шарко налил себе в стакан горячий чай из термоса и громко прихлебывая, начал пить, затем встав из за стола сказал:

– Пошли, полюбуемся на этих голубков. —

– Ты иди, у меня срочное дело. – ответил Зимин.

Шарко вышел и закрыв за собой дверь, пошел по длинному коридору знаменитого на весь мир и, пожалуй, самого таинственного здания со времен еще Берии.

– Чистоплюй этот Стас, не нравится он мне, сам-то наверняка посмотрит один. Нет, есть в нем что-то непонятное. Ну и черт с ним! – с этими мыслями Семен вошел в просмотровую.

Зимин тоже недолюбливал Семена, вернее, не самого Семена, а то, чем они с ним занимаются при помощи шантажа, запугивания и подкупа. Стас жил с матерью в однушке, а скоро новый, только что отстроенный дом сдадут в эксплуатацию и ему обещали квартиру... да он и сам завяз; квартира, звание, пайки... и куда он уйдет со службы? Был бы жив отец, он бы поговорил с ним, но его убили, когда ему самому было всего четыре года. Он и не помнит его совсем, а с мамой они редко говорят об отце. Мать так и не вышла замуж, всю жизнь посвятив сыну и своей больной матери, которая умерла несколько лет назад. Слаб все же человек, квартиру хочется, да и материального благополучия тоже и чем он отличается от низов этой пирамиды? Да ничем, все тоже самое...

Примерно через час вернулся Шарко. Зимину было неприятно смотреть на него и совсем не хотелось слушать подробности, не покидала мысль, что он соучастник подглядывания

в замочную скважину или копания в чужом грязном белье. Но по долгу службы он должен посмотреть отснятый материал и Шарко знал об этом.

После рабочего дня Стас зашел в расположенный совсем рядом, впритык к зданию КГБ, гастроном №40, знаменитый на всю Москву великолепным снабжением. Как бы ни было в СССР трудно с продуктами, в этом магазине всего было с избытком и отличного качества. Огромный по площади, имеющий множество автоматов с горячими пирожками и кофе, а также бутербродами с колбасой, все это и сейчас вызывает приступы искренней ностальгии. Все вкусное и по очень недорогим ценам. Ориентир был тогда один – рядовой труженик, строитель коммунизма. Хотя и скучна была жизнь этой категории людей, но она была все же стабильной, тарифы и цены на основные виды жизнедеятельности не менялись годами и десятилетиями. Очереди... вот очереди были настоящим бичом той поры. Отстояв свою очередь, Стас вышел из магазина и с увесистой сумкой направился ко входу метро, находящемуся в здании центрального «Детского мира».

Мать Стаса – медсестра детской поликлиники, неподалеку от их дома, иногда просила сына покупать еду в центре города. Качество продуктов сильно отличалось от купленного в их спальном районе Москвы. Стас был хорошим сыном и старался как мог облегчить жизнь матери, всю жизнь ему посвятившей. Тихая и скромная, она желала своему единственному сыну счастья и благополучия. Будучи еще нестарой, сорокасемилетней женщиной, она мечтала о том дне, когда ее Стас женится и подарит ей внуков. Валентине Афанасьевне очень нравилась соседка Вера Снегирева из квартиры напротив. Она проживала вдвоем со своей мамой Надеждой Николаевной, для которой Стас был почти родным, он вырос у нее на глазах. Обе матери мечтали, чтобы их дети поженились. Стасу Вера нравилась, но она была его школьная подруга, почти сестра, а ему хотелось встретить такую девушку, чтобы полюбить горячо, как в книгах.

Когда Стас вернулся после рабочего дня, матери дома не было, на столе лежала записка, что она немного задержится на работе.

– Наверняка взяла еще полставки, – подумал про себя Стас. Конечно, жить в однокомнатной квартире взрослому сыну вместе с матерью было очень неудобно, хорошо, что кухня у них приличная, десятиметровая, вот на кухне и спал Стас, там же стоял небольшой телевизор «Юность», черно-белый, который он смотрел, лежа на небольшом диванчике. А еще Стас любил читать, он читал все подряд то, что ему советовала библиотекарьша в находящейся поблизости районной библиотеке.

Положив в холодильник принесенные продукты, Стас стал разогревать на плите приготовленный матерью ужин.

– Значит успела после работы забежать и приготовить еду. – подумал Стас, – наверное, пошла к кому-то домой делать уколы. Всю жизнь мать куда-то торопилась, то бабушку выхаживала, теперь пациентов поликлиники. —

Съев разогретый ужин и просмотрев, взятую из почтового ящика газету, Стас поймал себя на мысли, что из его головы никак не выходит дело студентки Зои Бурминой и Джона Уинстона. Конечно, ее пригласят на допрос, заработал механизм делопроизводства и никуда от этого не деться. Девчонка-детдомовка, что у нее может быть общего с этим лощеным аристократом-дипломатом, вот это он и должен узнать от нее. А вдруг и правда, любовь? Любовь у которой нет шансов... И он должен попытаться вербовать ее, шантажировать компрометирующей видеопленкой... Стасу стало реально не по себе... Но деваться некуда, таковы правила игры, если не он, то это сделают другие, тот же Семка... у него нет по этому поводу никаких угрызений совести, сомнений...

– Нет, все же я не могу работать в этой системе, ни ради квартиры, ни ради пайков и карьерного роста.– Стас остро почувствовал прилив отвращения к своей работе. Завтра выходные, а в понедельник придется просматривать пленку и собирать все аргументы против этой девушки. Стас не был наивным новичком и почти за три года работы уже успел кое-что

узнать и про сексотов в гостиницах, и про женщин легкого поведения, которые все были у них на крючке, все это уже стало почти аксиомой, но Зоя никак не попадала в эти рамки и с ней предстояло разобраться именно ему, лейтенанту КГБ Стасу Зимину.

Был серый день начала декабря, снег уже покрыл собой асфальт и обещал больше не растаять. Когда утром перед занятиями Зоя вышла из здания общежития ГИТИСа, к ней подошли двое мужчин в штатском и предъявив удостоверения сотрудников госбезопасности, тоном, не терпящим возражений, рекомендовали пройти к автомобилю, чтобы поехать на Лубянку. Зое ничего не оставалось делать, как подчиниться. Подспудно, в глубине души она догадалась, что это связано с их с Джоном отношениями и рано или поздно должно было произойти. В машине она сидела на заднем сидении, по обе от нее стороны сидели чекисты. Машина завелась и тронулась с места, а по улицам Москвы шли, спешащие по своим делам люди, еще необремененная пробками на дорогах, столица продолжала свою размеренную жизнь.

А вот и знаменитая Лубянка с огромным памятником Феликсу Дзержинскому в центре круглой площади, рядом здание центрального «Детского мира», в котором постоянно толпится народ и все больше приезжие.

Зоя в сопровождении одного из сотрудников вошла в кабинет. За столом сидел Семен Шарко, ожидавший ее, подобно охотнику в засаде, наконец, увидевшему долгожданную добычу. Осталось только нажать на спусковой крючок и лань будет повержена. В глазах у Семена зажегся азартный огонек преследователя.

Предложив Зое присесть напротив его стола, он занял выжидательную позицию, всматриваясь в лицо девушки, старался разглядеть на нем следы растерянности и страха, но ничего подобного на лице Зои ему рассмотреть не удалось.

– Да, видать девчонка со стержнем, – подумал Семен, – ничего, это даже еще интересней. —

Семен начал «валить жертву» без предисловий:

– Гражданка Бурмина Изольда Николаевна, нам стало известно, что вы находитесь в близких отношениях с иностранным подданным Джоном Уинстоном, все доказательства, компрометирующие вас, у нас имеются. Что вас связывает с дипломатом английского посольства?

Зоя молчала. Она молчала весь день, все дежурство Семена Шарко, она не пила, не ела и лишь один раз ей позволили сходить в туалет. К концу дня скудный запас терпения мл. лейтенанта КГБ Шарко окончательно иссяк.

– Повторяю еще раз свой вопрос, – повысил голос Шарко, – что вас связывает с иностранным гражданином Джоном Уинстоном? – в этот момент дверь кабинета открылась и в него вошел Стас Зимин, заступивший на ночное дежурство. Скользя взглядом по Зое, он сел за свой стол.

Зоя молчала, а Шарко продолжал:

– Имеющийся у нас материал указывает на то, что вы с Джоном Уинстоном состоите в любовных отношениях. Отпираться бесполезно, полюбуйте! – и он бросил перед Зоей пачку фотографий, переснятых с видеопленки. Я еще раз задаю вам вопрос, что между вами общего? Вы – студентка театрального института, мечтаете стать актрисой, мы можем помочь вам остаться в Москве, в столичном театре, но и вы помогите нам. Пусть ваш любовник будет добывать интересующую нас информацию, а вы, в свою очередь, будете передавать ее нам. Информация будет оплачиваться по мере своей ценности и оперативности. А иначе, гражданка Бурмина, мотать тебе срок за оказание интимных услуг с целью наживы, а проще за проституцию. И никакой карьеры, театра, аплодисментов, уж будь уверена... вот и показания на тебя имеются, что брала деньги, валюту, которую нашли у тебя в общежитии, зашитую в матрас на котором спишь. А любовника твоего депортируют, будь уверена. Так, что решай и ты не выйдешь отсюда пока не подпишешь эти бумаги. – И Шарко положил перед Зоей протокол дозна-

ния и заявление о добровольном сотрудничестве Бурминой Изольды Николаевны с органами госбезопасности.

Зоя сидела белая, как полотно и тихо промолвила:

– Можете делать, что хотите, но я ничего подписывать не стану. —

Шарко побагровел и впал в бешенство:

– Ты понимаешь, что ты из института – вон! Из комсомола – вон! Из Москвы – вон! А красавчика своего больше никогда не увидишь! Или подписывай и будем сотрудничать, будешь на окладе, все дороги для тебя открыты. А с твоей мордашкой, фигуркой и знаниями языков ты далеко пойдешь, еще и карьеру сделаешь... Подписывай и уходи! Мы сами тебя найдем когда надо, подписывай! – И он положил перед Зоей авторучку, – Подписывай! – громко стукнул своей ручищей по столу лейтенант Шарко.

Зимин, наблюдавший и молчавший до сих пор, встал и не глядя на Шарко сказал:

– Младший лейтенант Шарко, давайте дадим девушке немного времени на принятие решения и отпустим ее. – тихо сказал он, но в его голосе прозвучали знакомые Шарко металлические нотки. Семен знал, что в таких случаях со Стасом лучше не спорить. Шарко поднялся из-за стола и вышел из кабинета, громко хлопнув дверью.

Стас, глядя на Зою сказал:

– Идите. – Зоя, посмотрела на него вопрошающим взглядом.

– Идите, поздно уже – сказал лейтенант Зимин. – Но вы должны дать подписку, что с настоящего момента порываете все связи с гражданином Великобритании Джоном Уинстоном, ни встречаться, ни писать, ни звонить, ему вы права не имеете. Без этого я вас отпустить не могу. – И он дал лист бумаги на котором Зоя написала, что с 7 декабря 1970 года, с 20 часов 45 минут она порывает все контакты с подданным Великобритании Джоном Уинстоном и впредь обязуется не нарушать данного обязательства. Подписавшись, Зоя вышла из кабинета и покинув здание Лубянки, пошла по улице в людском потоке, совершенно безо всякой цели. Ноги сами принесли ее к станции метро. Войдя в метро, она на автомате поехала к себе в общежитие.

Уже в комнате общежития, она лежала на кровати совершенно опустошенная, а в голове стучало: – Все закончилось и она больше никогда не увидит Джона. Закончилось ее короткое счастье и она опять одна на всем белом свете... Счастье только чуть коснулось ее своим золотым крылом, она еще не успела почувствовать его в полной мере, как оно улетело от нее, оставив лишь воспоминания и это кольцо на безымянном пальце, которое надел ей Джон в Елоховском соборе перед Царскими вратами, после того, как они поклялись друг другу в любви и верности. Сегодня она не преступила своей клятвы, она не предала его и пусть с ней делают, что хотят, дальше Сибири не сошлют, а для нее Сибирь – Родина. Наверное, у нее судьба быть одной, не иметь своего угла, родных людей, ведь в Джоне она обрела все и сразу: свою любовь, нежность, заботливого друга, умного и чуткого собеседника. Никогда-никогда она не будет так счастлива, как с Джоном, первым и единственным ее мужчиной и то, что между ними было у нее никому никогда не отнять, хоть в тюрьму, хоть в лагерь, она готова ко всему, ее предкам было еще хуже, у них все отняли, а ей не привыкать к казенному дому, вот и сейчас лежит она на казенной койке... Все возвращается на круги своя.-

Глава 10 Кнут и пряник

Настало утро следующего дня. Стас Зимин возвращался со службы домой в состоянии полнейшего угнетения, так тошно, как сегодня ему, пожалуй, еще никогда не было. Перед глазами стояло лицо Зои, прекрасное лицо совсем еще юной девушки, мертвенно бледной, но все же не сломленной и не подавленной ни на какие угрозы, а тем более на корыстные обещания и посылы. Пресловутая тактика «Кнута и пряника» в ее случае не сработала. А в деле уже лежат липовые показания о ее занятии проституцией в московских гостиницах, маховик огромной машины уже запущен и она медленно, но верно начинает преследовать свою жертву. Скорее всего, следующим этапом будет ее тщательная проработка в комсомольской организации по месту учебы с выговором и занесением в личное дело, а может и вовсе исключением из рядов ВЛКСМ, а за этим, как правило, следует отчисление из института, лишение проживания в общежитии. Что будет с ней, совсем юной... И Стас причастен к этой страшной машине, которая перемолотит в муку любого, попавшего под ее жернова. И чем он отличается от того же Семки... хотя нет, тот как раз при деле. Он был просто взбешен когда узнал, что Стас отпустил Зою. Семка просто копытом землю роет, как ему хочется получить на этом деле повышение в звании и квартиру с московской пропиской. А разве он, Стас Зимин не хочет того же? Да хочет, хочет, чтобы не спать ему на кухне, а иметь свое отдельное жилье, куда он может привести кого-то из друзей, не выперев на кухню свою мать и не создавая ни ей, ни себе неудобств... Денег хочется, премий, окладов. Рядовому юристу на предприятиях платят копейки, а он видел, как тяжело жилось матери всю жизнь на грошовую зарплату медсестры. А здесь – ведомственная поликлиника, пайки к праздникам, льготы... Вот и продал он свою душу дьяволу. От этих мыслей стало еще горше на душе. Вот, пожалуй, у кого надо учиться мужеству, так у этой девушки Зои Бурминой, которой и девятнадцати лет еще нет, а ему двадцать шесть скоро!

Дома где-то стояла початая бутылка водки, пожалуй, как никогда раньше Стасу захотелось выпить так, чтобы забыть сегодняшний день, забыть Зоины глаза, забыть собственную трусость и бессилие. С этими мыслями Стас вошел в подъезд своего дома, где встретил ожидавшую лифт Веру Снегиреву, соседку. Стас знал, что Вера давно влюблена в него, знал, что их матери мечтают, чтобы они поженились, он и сам был бы не против, но ему хотелось любви настоящей, всепоглощающей и вот он увидел пример такой любви, о которой мечтает каждый человек на Земле. А Вера, она хорошая, но может принимает за любовь дружбу, привычку с раннего детства. А как бы она себя повела в подобном случае... Стас отогнал от себя эту крамольную мысль, хотя как говорят в жизни «от сумы и от тюрьмы не зарекайся». Вера, увидев, что Стас хмур и чем-то расстроен, притихла и умолкла, а он, казалось, и не заметил этого.

Войдя в квартиру и на этот раз обрадовавшись, что матери нет дома, Стас подошел к кухонному буфету, налил себе стакан водки, залпом выпил, закусив соленым огурцом, даже есть не хотелось. Он прилег на диван и почти сразу уснул. Он не проснулся, когда пришла домой мать, а та, увидев спящего сына, не на шутку встревожилась, впервые сын выпивши уснул и не дождался их совместного ужина. Такого еще у них не случалось. Валентина Афанасьевна тихо закрыла дверь кухни.

– И все же его надо женить на Верочке, создастся семья, ребенок родится... вот и на работе дом скоро в эксплуатацию сдадут, может женатому скорее квартиру предоставят, да и не меньше, как двухкомнатную. – с такими мыслями мать Стаса, Валентина Афанасьевна отошла ко сну.

Наступило утро следующего дня и все завелось по привычному распорядку: бегом в ванную под душ, завтрак, газета из почтового ящика, метро в переполненном вагоне. Какие удивительно безрадостные лица по утрам в вагоне метро, кто-то сидит, уткнувшись в книгу,

мобильных тогда и в помине не было, поэтому в метро большинство читало, а кто-то дремал с закрытыми глазами. Стас никогда не садился в метро, за редким исключением, когда возвращался откуда-то совсем поздно в пустом вагоне. А вот и его станция, впереди нудный тягучий рабочий день, а видеть перед собой еще и Шарко, его физиономию, слушать его всякий бред... Не удивлюсь, если он и на него, Стаса «постукивает» время от времени на основании личной неприязни. Как-то у Семки вылетело: – Дескать ты – москвич, сын чекиста, героически погибшего при исполнении, а вот ему, без рода и племени придется самому прокладывать себе дорогу в жизни и на службе. – Как будто Стас виноват, что отца застрелили бандиты, да знает ли он, как Стасу всю жизнь не хватает отца, а кроме нескольких маленьких фотографий, да его наградного пистолета, бережно хранящегося у них дома в дальнем ящике, ничего у него от отца не осталось, он даже и не помнит его.

Войдя в кабинет, и не увидев Семена, Стас с облегчением вздохнул, вспомнив, что того сегодня не будет на рабочем месте, значит где-то на выезде пасет кого-то... может Зою? У Стаса засосало под солнечным сплетением. Почему он постоянно думает об этой девушке, почему сегодня, едва проснувшись первая мысль была о ней... Жалость? Нет! Но, именно эта девушка заставила усомниться Стаса в себе и в том, чем он занимается. А еще она красива... Никого он не видел в жизни красивее ее... И ничего нет странного и удивительного, что этот англичанин влюбился в нее... Надо повнимательнее быть к Семке, он за звездочки мать родную продаст, не то, что эту девушку... «Рыцарь без страха и упрека»!

Глава 11 Тучи сгущаются

А над Зоей стали сгущаться тучи... После занятий к ней подошел комсорг их курса Василий Листратов и отозвав Зою в сторону, сообщил, что на нее, комсомолку Бурмину, пришел из органов запрос на характеристику от их комсомольской организации, по этому поводу состоится в ближайшее время комсомольское собрание и одним из пунктов повестки дня будет обсуждение морального облика студентки Зои Бурминой, о чем в скором времени будет вывешено объявление на информационной доске института.

Утром, убирая свою постель, Зоя заметила, что матрас на котором она спит вспорот, а затем грубо зашит нитками. Зоя вспомнила одну из угроз, которыми сыпал на нее тот самый мерзкий тип с Лубянки, якобы она продавала себя за валюту, а деньги прятала в матрасе. Так вот какое дело будет обсуждаться на готовящемся комсомольском собрании... Это так чудовищно, что у нее просто слов нет и чтобы там ни говорили, она будет молчать и не проронит ни слова.

Войдя в здание института, Зоя явственно ощутила вокруг себя вакуум, кто-то делал вид, что не заметил ее, кто-то прошел мимо не поздоровавшись. Все стало ясно, когда подойдя к информационному стенду, она увидела объявление о комсомольском собрании, которое состоится сегодня в актовом зале института в 16.00, повестка дня: « Обсуждение поведения и морального облика комсомолки, студентки 2-го курса актерского факультета Бурминой И. Н.» В объявлении так же указывалось, что на собрании будет присутствовать тов. Горюнов В. П., инструктор Октябрьского райкома комсомола г. Москвы. Не надо быть провидцем, чтобы не понять, что сегодня во многом от решения этого Горюнова будет зависеть дальнейшая судьба комсомолки и студентки Зои Бурминой.

Вот и закончились лекции, стрелки на больших круглых часах, висящих на стене институтского коридора, приближались к 16.00. Собрание было большое, расширенное, на которое мог прийти любой, главное хватило бы всем мест. Актальный зал, где они репетируют пьесы на занятиях, был заполнен до отказа. Когда все уселись, выбрали секретаря собрания для ведения протокола, все шло по отработанной десятилетиями процедуре.

Первым выступил комсорг курса Листратов Василий, который проинформировал, что в комсомольскую организацию института из органов правопорядка поступила информация, свидетельствующая об аморальном образе жизни студентки 2-го курса актерского факультета Бурминой Изольды. В зале все переглянулись, тогда Листратов пояснил: – Изольда она по паспорту, но все зовут ее Зоей. Так вот, Бумина часто была замечена в ресторанах, в компаниях мужчин, среди которых были иностранцы. Используя свою внешность и знание иностранных языков, она входила в близкий контакт с иностранцами и проводила с ними встречи в номерах гостиниц, что подтверждено показаниями свидетелей с имеющимися доказательствами и фактами. Такое недостойное поведение идет вразрез с моральным обликом советской студентки и члена ВЛКСМ. Необходимо оповестить комсомольскую организацию института и всех комсомольцев, чтобы собрание дало свою оценку недостойному поведению Бурминой. – Комсорг Листратов закончил свое выступление. Следующей выступила комсорг группы Светлана Иванова, но она ничего плохого не могла сказать в адрес Зои Бурминой и быстро закончила свое выступление. Тогда слово взял комсомольский функционер из райкома ВЛКСМ Горюнов Валентин Петрович. С виду лет за тридцать пять, уже заметно облысевший и явно застрявший в райкоме ВЛКСМ и по возрасту, и по внешнему виду чиновник от молодежи. Он начал свою речь избитыми фразами о том, что в стране, только что отпраздновавшей юбилейные даты и идущей быстрыми темпами к построению коммунистического общества, особое внимание партии к молодежи, как к своей достойной смене. Что партия делает все для счастливой жизни советской молодежи, а она молодежь и особенно комсомольцы, должны

стать достойной сменой. Он говорил, эти заштампованные, мертворожденные фразы, которые подобно надоевшей, заезженной пластинке никто не слушал. Закончив, он посмотрел в сторону Зои, одиноко сидевшей в стороне ото всех. С видом глубоко оскорбленного пастыря, навестившего свой отдаленный приход, он обратился к Зое:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.